

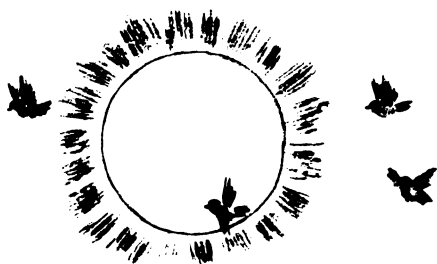
А. КОТОВЩИКОВА

ДЕВОЧКА СТЕПА

Издательство „Детская литература“

Ленинград
„Детская литература“
1974

А. КОТОВЩИКОВА

ДЕВОЧКА

«ТЁПА»

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. Таранова

Р2, мл.
К73

Котовщикова А. А.
К73 Девочка Стёпа. Повесть. Рис. Е. Таранова. Л.,
«Дет. лит.», 1974.

96 с. с ил.

Повесть о третьеклассниках, их дружбе и ссорах, о девочке
Степаниде, которую все любят и слушаются.

Р2, мл.

К $\frac{70802-147}{М 101 (03)-74}$ 210—74

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1974 г.

СЛУЧАЙ В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

В троллейбусе было тесно и душно. Осенний день выдался тёплый, даже жаркий. Не помогали и открытые окна.

Грузный дядька в пальто нараспашку дремал, сидя у окна.

Кепка лежала у него на коленях. Лысая голова склонилась и покачивалась от тряски.

Напротив дядьки сидел человек в очках и задумчиво смотрел в окно.

У колен его приткнулась девочка лет девяти, очень на него похожая: те же мягкие черты лица, те же серые, широко расставленные глаза, только не прикрытые очками.

Из-под сбитого на затылок красного берета свисали растрёпанные светлые косички.

Вдруг девочка нагнулась к толстяку и несмело произнесла несколько слов.

Толстяк не шевельнулся.

Тогда девочка протянула руку и двумя пальцами притронулась к его шее...

Вероятно, она нечаянно ущипнула толстяка.

Тот рванулся, обалдело озираясь, прохрипел недоумоующе:

— Кусаться? Я те укушу!

Девочка в испуге отпрянула. Щёки её стали пунцовыми.

Встрепенулся пассажир в очках:

— Что случилось?

Весь багровый, толстяк вращал глазами:

— Ваша девчонка меня за шею кусила!

Кругом захохотали.

— Господи! — растерянно сказал пассажир в очках. — Как может быть такое?

— Да нет же, нет! — чуть не плача стала оправдываться девочка.

— А я опшутил! — настаивал толстяк. — Кусила!

— Кусила! — передразнил длинноволосый парень в куртке на молнии. — Чепуха какая!

Девушка в цветной косынке заливисто смеялась.

Люди вытягивали шеи и спрашивали:

— Что там такое?

— Девчонка вцепилась в гражданина.

— Почему?

— Ухватилась, наверно. Чтобы не упасть.

— Ухватишься тут! Дёргает-то как. Мне уж все ноги отдавили.

— Водитель молодой, вот и дёргает.

— Кого там укусили? Может, остановить троллейбус?

Все говорили и смеялись одновременно.

В шуме сердито прозвучал голос пассажира в очках:

— Да зачем ты вообще трогала этого гражданина? Что за поведение!

И тоненький голос девчонки:

— Папа, пойми! Я просто...

— А я говорю, кусила! — твердил толстяк, пыхтя и отдуваясь.

— Извините, пожалуйста! — Пассажир в очках поднялся. — Разрешите... — Проталкиваясь к выходу, он тянул за руку дочь.

Они вышли из троллейбуса. И так никто ничего толком и не понял. Никто, кроме одного пассажира. Этот пассажир понял всё. Он хихикал и ликовал.

Лёшка Кузьмин стоял недалеко и видел, как Петелина из их третьего «а» сперва сидела рядом со своим папашей, потом встала, уступив место какой-то женщине.

Просто так, от нечего делать, Лёшка внимательно наблюдал за Петелиной. Проследил её взгляд, ставший внезапно пристальным, и тоже заметил на жирной шее задремавшего дядьки довольно большого паука. Петелина, наверно, шепнула: «На вас паук!» Или что-нибудь в этом роде. А дядька — хоть бы хны! Сонный да, вдобавок, кажется, малость пьяноват. Ну, Петелина и приняла меры: сняла паука и выбросила его в окно.

И откуда в троллейбусе паук взялся? В окно забрался? А может, дядька его на себе приволок?

И взбрело же в голову Петелиной спасти дядькину шею от паукиного укуса! Ну и укусил бы его паук, подумаешь! Может, так ему и надо.

Вышли Петелины на целую остановку раньше, чем нужно. Наверно, от стыда, что Петелину посчитали кусачей.

А Лёшка поехал дальше, до самого дома. Он смотрел в окно и видел, как, идя по тротуару, Петелина о чём-то горячо толковала своему отцу, а тот хмурился и качал головой.

ДЕВЧОНКИ ВЕРХОВОДЯТ

В третьем «а» заново распределялись по звёздочкам. Во втором классе звёздочки, конечно, были. Но состав класса немного изменился: кто переехал в другой район, кто совсем уехал из Ленинграда, одна девочка осталась по болезни на второй год. И звёздочки надо было укрепить, чтобы в каждой было больше народу: ведь ребята стали старше.

Девочки закричали:

— Мы Стёпу хотим в свою звёздочку! Хотим Стёпу! И пусть будет командиром!

А учительница уже который день была у них новая, заменяла Галину Ивановну: та заболела. Новая, молодая и совсем ни с кем не знакомая.

— Какого это Стёпу вы так любите? — спросила она с улыбкой. — Как его фамилия?

— Не какого, а — какую! — закричали девочки.

Тут поднялась Петелина и сказала:

— Командиром я не смогу. Меня не будут слушаться. Пусть Мариша будет командиром звёздочки.

— Твоя фамилия, наверно, Степанова? — высказала догадку учительница. — Тебя по фамилии прозвали Стёпой?

— Нет, это моё имя, — объяснила Петелина. — Меня зовут Степанида. В честь бабушки.

— Ах, вот как! — сказала учительница. — Значит, не хочешь быть командиром? Ребята, предлагайте кого-нибудь другого. И не могут все быть в одной звёздочке со... Стёпой. Что вы так шумите? Мне казалось, что у вас дружный класс.

— Нет! — выпалил Лёшка Кузьмин. — Совсем не дружный.

— Не ври! Не ври! — загомонили девочки. — Сам забияка, так и про других так же думаешь.

Лёшку поддержал Свистунов:

— Не дружные мы! Девчонки у нас без конца командуют.

Учительница удивилась.

— Вас притесняют девочки? Но, может быть, вы сами виноваты? Что-то не так делаете? Или, наоборот, ничего для них не делаете? Ведь в дружном коллективе все друг другу необходимы. Но нельзя стать необходимым человеком, ничего для него не делаю.

Костя Гусаров, рыжеватый, веснушчатый и вертлявый, привскочил за партой:

— Нет, можно! Вот я для мамы ничего не делаю, всё только собираюсь подмести пол или что. А она говорит, что жить без меня не может. Значит, я ей необходим!

Ребята засмеялись.

— О, так то — мама! — сказала учительница. — Ну, живо, распределяйтесь по звёздочкам, мы же ничего не успеем.

Пошумели, поспори-
ли. Некоторые девочки
даже всплакнули. Нако-
нец кое-как распреде-
лились.

Мариша Гуляева, как
и предлагала Петелина,
стала командиром звёз-
дочки. Она была длинно-
ногая, решительная, гро-
могласная. И круглая от-
личница. В командиры,
сказать по правде, годи-
лась.

Однако Лёшка Кузь-
мин, попавший в ту же
звёздочку, был недово-
лен. Он предлагал в

командиры своего друга Гошку Свистунова. Но никто Лёш-
ку не слушал. Девчонки галдели, как галки. Девчонок в
классе было больше, чем мальчишек. Они во всём верхово-
дили, и ничего с ними было не поделать.

Лёшка обиделся за Свистунова, перегнулся через пар-
ту к Петелиной — она сидела впереди него с Ксюшей Луз-
гиной — и насмешливо про-
шипел ей в ухо:

— Паук-то, может,
ядовитый был! А ты его
выкинула кому-то на го-
лову!

Серые глаза Петели-
ной уставились на Лёшку:

— И ничего не ядови-
тый! А... ты про какого
паука говоришь?

— Ты что, на десять
дядек в троллейбусе кида-
лась?

— А-а, это который в
троллейбусе! — Вместо того
чтобы смутиться, Петели-
на неожиданно обрадова-

лась: — Значит, ты видел, как я его сняла? А, — жиденькие брови её сдвинулись, — почему же ты не сказал, что я того дядьку не укусила?

— Да я... там такой шум поднялся... Я и не успел...

Вот так номер! Хотел понасмехаться над Петелиной, подразнить её и вдруг сам вроде бы виноватым оказался.

ДЕД И БРАТ ИГОРЬ

Перескакивая через ступеньки, Лёшка мчался по лестнице.

На площадке второго этажа сидела кошка. Лёшка порскнул: «П-ш-т!» Кошка мяукнула басом и метнулась по ступенькам вверх. За одной из дверей залаяла собака. Лёшка дружески отозвался: «Гав-гав-гав!» И ринулся за кошкой. Безо всяких злостных намерений — просто им было по дороге.

На третьем этаже приоткрылась дверь. В щели засветился глаз. Ехидный голос пропел:

— Лёшка-поварёшка!

Не замедляя бега, Лёшка отозвался снисходительно:

— Лузгина-Мелюзгина!

Как видно, девчонки уже вернулись домой. Как это они опередили их с Гошкой? Ведь из школы они со Свистуном вышли раньше девчонок.

Впрочем, по дороге домой их задержали неотложные дела.

Они прыгнули в канаву-траншею с толстыми трубами на дне, выскочили оттуда на двух девчонок, поохотили над их испуганным взвизгом, в будке телефона-автомата навертели диск, узнавая, который час, благо для этой операции и монету не надо опускать, обменялись со Свистуном тумаками, просто так — чья возьмёт. Да всех дел и не упомнишь.

На четвёртом этаже Лёшку ждала распахнутая дверь: дед явно почуял возвращение младшего внука.

Дед у Лёшки был здорово старенький. Но подвижный, не очень глухой и весёлый-превесёлый. То и дело

шуточки отпускает, а бородёнка при этом вздёргивается задорно.

В квартиру Лёшка ворвался, заранее улыбаясь. Вот сейчас дед скажет что-нибудь смешное: «Кошки-собаки в обморок не попадали?» Или: «Ураган пронёсся, а где же дождик?» Или ещё что-нибудь, вовсе потешное.

Но дед и не подумал остроумничать. Облачённый в чёрный выходной костюм, он стоял перед зеркальным

шкафом в комнате мамы-папы и сосредоточенно повязывал галстук.

— Ой, дед! — разочарованно сказал Лёшка. — Ты никак на свой завод собрался?

— Обед на плите разогретый, питайся! — сражаясь с галстуком, отозвался дед. — Последи, чтобы Игорь поел, как придёт. — Помолчал и добавил торжественно: — Весьма нужнейшее заседание предстоит.

Уже порядочно лет дед пребывал на пенсии. Но со своим заводом не расстался: на общественных началах усердно трудился в каких-то советах и комитетах.

Когда дед ушёл, Лёшка отправился в кухню. Приподнял крышку с кастрюли с супом и с жаровницы, раздумывая, начать ли с первого или со второго.

Щёлкнула входная дверь. Шаги по коридору. В кухню заглянул восьмиклассник Игорь.

Лёшка обрадовался:

— Вот здорово! Вместе пообедаем.

Игорь бросил портфель на пол у двери и с унылым видом плюхнулся на табуретку.

Лёшка покосился на брата. Плечи опущены, спина сгорблена.

— Ты чего? Опять двойка?

— По физике. Случайная.

— Исправишь, — утешил Лёшка, наливая в тарелку суп. — Конечно, папа... не очень-то обрадуется. А ты знаешь что? Ты сперва исправь двойку, а уж потом о ней скажи. Тогда ничего.

Игорь скривил рот в мрачной усмешке:

— Блестящий совет! Завтра суббота, батя дневник потребует. А физики завтра нет. Да ладно, не помру.

Принялись за еду. Болтая ложкой в супе, Игорь сказал уныло:

— Удрать бы куда-нибудь! Надоело всё. Вообще... обыденщина нас задавила.

— Обыденщина? — переспросил Лёшка. — Это как?

— Ну, каждый день одно и то же. И мышление у людей ограниченное. От сих до сих думают. Как в учебнике. Даже учителя. Встретятся, например, две учительницы. «Как ваши дела, Марья Сидоровна?» — «Ах, ужасно! Двенадцать двоек».

— Много как! — поразился Лёшка. — За диктовку, наверно, да?

— Да неважно сколько. Важно, что о самом простом говорят, о каждодневном. И родители наши тоже... Я заранее знаю, что мне папа скажет. «В твои годы, — скажет, — во время войны подростки вон как вкалывали! На заводах, в колхозах. А многие и воевали. В партизанских отрядах и даже в армии». Воевать — это и я пошёл бы! Деда в пример поставит, что он всю жизнь на одном заводе проработал. Только в гражданскую войну уходил ненадолго.

— Уж дедку ты не ругай! — насупился Лёшка. — Дедушка у нас... другого такого нету!

— Ругаю я его, что ли? Распрекрасный у нас дед, это всем ясно. А как подумаешь, так мне его жаль.

— Это почему же? Что старенький стал?

— А вот за то самое, за что его прославляют везде, мне и жаль нашего деда. Всю жизнь, с подростков, на том же самом заводе... Сейчас ему восемьдесят два... или три? Когда его юбилей справляли, не помнишь?

— Давно уже. Я ещё в первом классе учился.

— Значит, восемьдесят четвёртый год пошёл. А начал он с четырнадцати. На пенсии всего лет восемь... Это же надо! Больше шестидесяти лет подряд видеть всё те же стены, ходить в тот же заводской корпус! Кошмар!

— Деда и в командировки ездил сколько раз, — обижено сказал Лёшка. — Много где бывал. И стены нете же самые. Завод строился, новые корпуса... дед мне рассказывал. Вот!

Но Игорь его не слушал, продолжал своё:

— Конечно, во время войны и в четырнадцать лет

подвиги совершали. А сейчас какой я подвиг совершу? Пожары, чтобы из огня вытащить, и то редко бывают. Мне ни разу пожар не попадался. Сплошная обыденщина. Хоть бы что необыкновенное случилось!

— Второе ешь! — сказал Лёшка. — Остынет. Ой, чего я вспомнил! У Валерки из нашего класса кот ботиночные шнурки лопают, да-да! Валерке купили новые шнурки, он хотел их в ботинки вдеть, а шнурков-то и нет. Мать Валерку ругать: «Куда дел?» — «Не трогал, — говорит Валерка, — здесь на стуле лежали. Может, кто украл?» Мать кричит: «Не я ли украла? Никого здесь не было». А Валерка просто так, в шутку: «Может, Фантик съел?» У них кота Фантиком зовут. Мать Валерку за вихор дёрнула, чтобы глупостей не болтал. А потом смотрят: у Фантика изо рта кончик шнурка торчит. Глотал, да не доглотал. А после видели, как он всякие шнурки ест. Это необыкновенное, да?

Игорь фыркнул:

— Пожалуй, необыкновенное. Только уж оченьглупое. Мне не такое надо.

— А знаешь, ещё в нашем классе есть тётя и племянница. Племянница на полгода старше, подумай! Наши ребята даже перед другими классами хвастаются, что у нас такое есть, а у них нету. Если которая-нибудь уходит из класса раньше, мы кричим: «Ты что же свою родню не ждёшь?» А ещё, когда мы со Свистуном и с Купцом бегали в пионерскую комнату поглядеть, что там делается, старшая пионервожатая рассказывала, как в прошлом году пионеры одной школы, чтобы собрать побольше макулатуры, встали пораньше да все афиши в их районе и ободрали. И пионервожатая сказала: «Это просто необыкновенное... свинство!» Если подумать, так много вокруг необыкновенного. А ты говоришь!

— Утешаешь, братишка? — насмешливо сказал Игорь. — Лучше посуду помой, а я чутельку почитаю. А уж потом... Учителя с ума посходили столько задавать.

Он потянулся и, подхватив с полу портфель, побрёл из кухни.

С грохотом Лёшка свалил в раковину грязные тарелки.

ОЧЕРЕДНОЙ „ПРОХОДИМЕЦ“

В воскресенье утром Стёпа с папой и с Маришей Гуляевой поехали в Гавань. Как там оказалось красиво, просто! Гранитная набережная, море, корабли на рейде... Не налюбуешься!

Папа рассказывал девочкам о Васильевском острове и вообще о Ленинграде. А то живут и не знают, по каким замечательным, историческим улицам они ходят.

— Как здорово, Стёпочка, что я к тебе пришла! — радовалась Мариша.

Да, подвернулась Мариша вовремя. Когда решили прогуляться в Гавань, Стёпе очень захотелось прихватить с собой Ксюшу Лузгину, и Таню Кацман, и Свету Морщину, и, конечно, Маришу. И Зину Хватову тоже. Зина не очень-то Стёпина подруга, но, может, стала бы меньше ехидничать, если б посмотрела интересное. Но папа категорически запротестовал: не может он ждать, пока Стёпа полкласса созовёт, всех обегает. Или ехать сразу, или совсем не ехать. А Мариша как раз сама к ним пришла!

Возвращались усталые и счастливые. Мариша поблагодарила Стёпиного папу, чинно поклонилась и свернула к своему дому. А Стёпа с папой продолжали путь. Стёпа весело болтала. Но вдруг замолчала и замедлила шаги.

Возле водосточной трубы сидел котёнок. Маленький, серый и очень грязный. Шёрстка у него слиплась комками. И не мудрено: недавно прошёл дождь, на тротуаре блестяли лужи.

Котёнок посмотрел на Стёпу круглыми, прозрачно-зелёными глазами.

— Ты что? — спросил папа. — Чего остановилась?

Котёнок смотрел на Стёпу. Стёпа смотрела на котёнка. А папа смотрел на них обоих.

— Он, наверно, бездомный... — тихонько сказала Стёпа.

— Но подбирать его ты не будешь! — строго сказал папа. — Я не позволю! Уже и так житья нет от этих проходимцев!

— Он маленький, — грустно сказала Стёпа. — Его, кажется, выбросили...

— Идём! — Папа взял Стёпу за руку и потащил за собой.

Стёпа оглянулась.

Котёнок глядел ей вслед. Грязная мордочка выражала недоумение.

— Что ты ведёшь меня? — сердито сказала Стёпа. — Я не маленькая!

— Ты ничуть не лучше маленькой! — Не выпуская Стёпиной руки из своей, папа быстро шагал.

— Мне даже прискакивать приходится! — возмутилась Стёпа. — Иди, пожалуйста, один, если так торопишься! Я тебя догоню. У меня в туфлю камешек попал. Зайду в подъезд и выну. Что же, мне посреди улицы разуваться?

Папа подозрительно покосился на дочку.

— Только живо, слышишь? Я и в самом деле очень тороплюсь, ко мне могут прийти.

Через несколько минут Стёпа догнала папу. И даже перегнала.

Семенила торопливо, двумя руками придерживая на животе плащ.

В лифте она встала к отцу спиной.

И когда подошли к двери, становилась к нему то спиной, то боком.

— Ты что это вертишься? Постой, а это что за вилка торчит у тебя из-под плаща? — Голос у папы стал грозным. — Стёпка, я тебя спрашиваю!

Папа пошевелил пальцем так предательски высунувшийся серый хвостик.

Стёпа подняла на папу виноватые глаза:

— Но ведь мог опять пойти дождь... Он бы совсем промок!

Папа махнул рукой и впереди себя пропустил Стёпу в квартиру.

ПОРА ОТДАТЬ ЧЁРТИКА

— Радуйся, Машенька! — провозгласил папа. — Новый проходимец налицо!

Мама неторопливо вышла в переднюю. Статная,

стройная, в пёстром халате, с распущенными длинными волосами: сушила их после мытья.

— Мама, ты похожа на царевну из сказки! — сказала Стёпа.

— Не подлизывайся, пожалуйста! — сердито сказал папа. — Мы не можем сейчас любоваться даже очень красивыми царевнами. К нам, видите ли, пожаловал новый жилец! Безобразие такое, что и не придумаешь! Маша, у нас... есть молоко?

— В холодильнике должно быть, — невозмутимо ответила мама.

— Папочка, ты только погрей, пожалуйста! — попросила Стёпа.

Котёнок рассказывал по передней, мягко перебирая лапками. Внезапно подпрыгнул, изогнулся и поймал свой хвост.

Стёпа залилась радостным смехом:

— Папа, папа, он улыбается!

— Зато я не улыбаюсь! — крикнул из кухни отец. — Не разговаривай со мной, мучительница! Где плошка для молока, изверги?

Подхватывая на руки котёнка, Стёпа приговаривала:

— Сейчас ты покушаешь. Потом я тебя выкупаю, просушу и познакомлю с Чёртиком.

— Да, кстати, — сказала мама, — Чёртик напачкал в коридоре, так что убери немедленно. — Встряхнув распущенными волосами, она ушла.

С котёнком на руках Стёпа вошла в кухню:

— Ты не перегрел молоко? Пока Прошка не вымыт, пусть побудет здесь.

— Прошка? Почему — Прошка?

— Это уменьшительное от проходимец, — лукаво сказала Стёпа. — Подожди его кормить, я только уберу и погляжу, что сейчас делает Чёртик.

Она убежала, а через минуту раздался её испуганный вскрик.

Папа перестал гладить Прошку и пошёл в Стёпину комнату.

— Что ещё стряслось?

— Папа, я вхожу, а Чёртик сидит у клетки и смотрит на Чика и Пика! Да так смотрит... по-тигриному.

Чёрный котёнок, задрав хвост, важно расхаживал между столом и диваном и громко мурлыкал.

— Видишь, папа, он хитрит? Сейчас даже на окно не глядит, не то что на клетку. А я вошла, он возле самой клетки сидел.

В клетке, стоявшей на подоконнике, прыгали и щебетали две птицы.

Если и напугались Чик и Пик тигриного взгляда Чёртика, то теперь испуг явно прошёл.

— Пора Чёртика отдавать, — грустно сказала Стёпа. — Но... кому?

— Несчастная! — пробормотал папа, взглянув на озабоченное лицо дочки. — Ладно, попрошаю у себя в конструкторском бюро. Может, кто нуждается в избалованном донельзя коте.

Стёпа бросилась папе на шею:

— Лучше тебя нет на свете!

— Синьора, вы, кажется, забыли, что я на вас сержусь? — сказал папа. — И если Чёртик или Прошка этот попадутся мне под ноги, поколочу я тебя!

Вот так у них всегда.

Папа сердится, ругает её, но без конца помогает возиться с её питомцами.

Мама же никогда не бранит Стёпу, только плечами иногда пожмёт недовольно, но не прикоснётся ни к котяткам, ни к птичьей клетке.

ИГОРЮ ПОПАДАЕТ

В субботу Игорю повезло: отец не потребовал у него дневник на подпись.

Они с мамой с самого утра уехали в пригород к тёте, маминой сестре, вернулись только вечером в воскресенье, усталые.

Лёшка радовался за брата.

Пока папа доберётся до дневника, Игорь успеет исправить свою двоечку.

Однако и эта удача не улучшила настроение старшего брата.

Игорь ходил мрачный, как туча, и опять говорил, что всё ему надоело, все люди ограниченные, говорят каждый день то же самое, будто им по учебнику задали «от сих до сих».

В понедельник дед послал Лёшку в магазин за макаронами и за солью. Мясо и всякие другие продукты мама большею частью покупала сама и обед, конечно, готовила сама по вечерам. А соль и спички всегда почему-то забывали купить.

С огромным кульком в руках Лёшка пробегал по доске, переброшенной через канаву-траншею.

Длинными жёлтыми палочками во все стороны торчали из кулька макароны. И чуть весь этот макаронный частокол не погиб.

Внезапно из траншеи выскочили двое мальчишек. Маленькие, должно быть ещё первоклассники.

Они вылетели прямо у Лёшки из-под ног с отчаянным воплем:

— Сдавайся! Сдавайся! Я победил!

От неожиданности Лёшка еле удержался на доске и чуть не вывалил все макароны в канаву.

— Эй, вы! Поосторожнее! — крикнул он. — Чего на человека налетаете?

Мальчишки даже не посмотрели на Лёшку. Оказывается, за его спиной крался по доске третий шкет, такой же замурзанный и воинственный. Все трое размахивали деревянными шпагами.

У двоих на шеях болталось по ключу на длинном шнурке.

Лёшка постоял, глядя, как улепётывает третий мальчонка от первых двух, и направился к своему подъезду.

Возле дома восседали на скамейках старухи, дышали воздухом.

Погода была прекрасная, солнечная, деревья стояли золотые.

При виде старух Лёшка подумал: «Вот почему называется бабье лето, как говорит дед. Чтобы вот такие бабушки напоследок перед зимой погрелись на солнышке».

Когда Лёшка проходил мимо, одна из бабушек тягуче проговорила:

— Прежде у детей на шеях кресты висели, а теперь

ключи. . . — И по тону не понятно было, осуждает она это обстоятельство или, наоборот, одобряет.

«Ограниченную мысль высказала эта бабуся или нет? — подумал Лёшка. — Наверно, всё-таки ограничен-

ную. Ну, висит ключ от входных дверей на шее, и что такого? Привязан на шнурок, чтобы не потерялся».

Беря из Лёшкиных рук пакет с макаронами, дед спросил:

— А соль где? И авоська? Не потерял?

Лёшка стукнул себя кулаком по лбу. Авоська-то

у него в кармане, а вот соль совсем из головы выскочила.

А Игорь ещё говорит, что ничего необыкновенного нет. С солью, например, просто что-то необыкновенное: нарочно за ней идут и то забывают купить.

— Снова, что ли, бежать, а, деда? Больно уж неохота...

— Ладно, сам потом схожу. Уроки учи.

— А Игорь дома?

— Пришёл недавно. Обедать не стал, сидит, занимается. Ты уж ему не мешай, Лёшенька! Ко мне иди уроки учить.

У Кузьминых было три комнаты: самая большая — папина-мамина, средняя — Игоря с Лёшкой, маленькая находилась в единоличном владении деда. А за столовую шла кухня.

Когда-то средняя комната была дедушки-бабушкина, а маленькая просто так, запасная. Потом родился Игорь, бабушкина комната стала детской, дед по собственному желанию устроился в маленькой. Но тех времён Лёшка почти не помнит, он был крошечный, когда бабушка умерла.

В дедовой комнате, за дедовым столом Лёшка начал писать упражнение по-русскому, когда пришли с работы родители. Двери были открыты, и Лёшке было всё слышно.

— Степан Кузьмич, — оживлённо говорила мама деду, — представляете, прямо у подъезда я Николая нагнала!

Голос у мамы радостный, будто невесть что случилось. Лёшке даже слегка неудобно за маму стало: как маленькая. Ну, не встретилась бы она с папой у подъезда, и что? Через пять минут увиделась бы с ним дома.

Потом мама спросила папу:

— Не жмут?

— Порядок! — ответил отец.

Лёшка догадался: это про ботинки, на днях папе купили новые.

Мама звонко сообщила:

— Я видела в магазине на углу отличные меховые шапки. Надо будет Игорю купить с получки, совсем у него старая.

— Лучше себе что-нибудь купи, — сказал отец. — Всё нам да нам.

— А мне ничего и не надо, — весело сказала мама. — Ещё, знаешь, у Лёшки брюки протёрлись, нельзя же везде форму таскать. . .

— Вот получу премию. Наш цех план перевыполнил. — Голоса доносились уже из кухни.

— Да уж вы всегда молодцы! — Это мама, с гордостью. — Не хлопчите, Степан Кузьмич, я сама на стол накрою.

А ведь, пожалуй, Игорь прав: говорят всё то же самое. Сколько раз уже Лёшка слышал, что папин цех, да и весь завод, на котором когда-то работал дед, а теперь работают папа с мамой, — отличный завод и что план там перевыполняют. И, чтобы дед не суетился, мама сама всё делает, тоже каждый день слышит. . .

— Игорь, Лёша, обедать! — позвала мама.

Придя из школы, Лёшка, разумеется, пообедал, но отсутствием аппетита он не страдал и почти всегда ещё вместе с родителями заправлялся.

— Руки вымыл? — спросила мама, когда Лёшка показался в дверях кухни.

Вот! Непременно надо сказать про руки.

— Вы — ограниченные люди! — выпалил Лёшка. — Мысли у вас от сих до сих.

Отец уже сидел за столом, без пиджака, ворот рубашки расстёгнут, крупное лицо розовое после мытья. Он с удивлением посмотрел на младшего сына.

— А ты, брат, нахал! Даже не ожидал, признаться! Мама всплеснула руками и засмеялась:

— Ограниченные люди? Ничего себе! Это за что же такая немилость?

Возившийся у буфета дед прямо подскочил:

— Это у нас чего такое, ась? Выдери его, Николай, и вся недолга!

Дал бы дед выдрать своего любимца, как бы не так! Лёшка это понимал. Однако переминался в дверях с пылающими ушами.

— А как это — ограниченные? — спросил отец. — Я не понял.

— Ну, просто. . . — промямлил Лёшка. — Всегда говорите про самое. . . обыкновенное. . . Я же слышал. . .

— Про что же, например? — Голос у отца был подчёркнуто спокойный.

— Про ботинки... про шапку, что её надо купить. И вот — руки вымой!

— А вот ты и расскажи нам что-нибудь такое особенное! — взвился дед.

Лёшка в замешательстве переступил с ноги на ногу, поднял голову и встретился с негодующим взглядом брата. Игорь стоял за его спиной.

— Дай пройти... — Он плечом отодвинул Лёшку. — Встал, как столб. — Прощедил сквозь зубы: — Остолоп! — и прошёл к столу.

— Садись, Лёшка, — примирительно сказала мама. — Двоечек-то ты не нахватал?

«Я-то не нахватал», — подумал Лёшка и, чтобы мама не обратилась с тем же вопросом к Игорю, воскликнул капризно:

— Видишь, опять то же самое! Всегда про отметки спрашиваешь.

— Не получил ли ты орден, — сказал отец, — мы спросить пока, к сожалению, не имеем оснований.

Усаживаясь за стол, Лёшка пробубнил:

— Да у нас и отметок сейчас почти не выставляют. Потому что Галина Ивановна больна, а эта новая училка отметками как-то не увлекается.

— Экая вам удача! — усмехнулась мама.

Но отец нахмурился:

— Это ещё что за «училка»? Говори о преподавателях подобающе!

— Я ещё с тобой потолкую! — грозно шевеля бровями, пообещал дед.

Ну, дедушки-то своего Лёшка ничуть не опасался. Обед прошёл в молчании.

Лёшка решил, что все неприятности позади. Но рано он успокоился.

Обычно после обеда папа отдыхал часочек в спальне. Полежит с газетой в руках, а то и подремлет. Но на этот раз только мама начала убирать со стола, как отец сказал:

— В субботу я не успел проверить да подписать. Живо на стол дневники!

Лёшка испуганно посмотрел на Игоря. Тот как раз,

сказав спасибо, поднялся со стула. Теперь он снова сел, откашлялся и сказал вызывающе:

— Папа, у меня по физике двойка!

— Во-от оно что! — протянул отец, и ноздри у него раздулись.

Мама поставила грудку грязных тарелок обратно на стол.

— Николай, успокойся! — И сокрушённо: — Как же это ты, Игорёк? Ведь это вторая двойка, а давно ли год начался...

Отец стукнул кулаком по столу и загремел:

— Неважно, вторая или первая! А то важно, что обленился он, как... как последний тунеядец! Так широко мыслить стал, что все кругом ограниченными заделались. Думаешь, я не понимаю, откуда Лёшкины глупые рассужденья пошли? Был бы ты ещё какой-то тупица неспособный! А то ведь можешь учиться! Репетитора, что ли, тебе нанимать?

— Не надо мне репетитора, — пробормотал Игорь.

— А чего тебе надо? Чего? — От отцовского зычного голоса в буфете позвякивала посуда. — Уж восьмилетку-то я тебя заставлю кончить! А потом в пэтэу при нашем заводе пойдёшь! Там из тебя сделают человека!

— Он геологом хочет путешествовать, — вырвалось у Лёшки, сильно жалевшего брата. — Или в юнги на корабль...

Отец побагровел.

— Это кто ещё там пицтит? Совсем распустились... А всё ты! — вдруг обрушился он на маму. — Всё им разрешаешь! Ах, миленькие мои, хорошенькие сыночки! А эти сыночки уже на голову тебе готовы усесться!

Мама обиженно глянула на отца, надулась, губы дрогнули... Неужели заплачет? Ужас какой!

— Николай! — негромко окликнул дед. И в кухне вдруг стало тихо. — Оно, конечно, — так же негромко, но отчётливо, заговорил дед, — тебе, Николаша, обидно. Ты — человек знатный, премированный, портрет твой, лучшего шлифовщика портрет, с Доски почёта не сходит. А сын у тебя, родная кровь, это самое... двойки подряд хватает. Но — этак вот... при детях... гм!

Отец опустил голову, тронул маму за плечо:

— Прости, Даша!

— Ничего, ничего, — быстро сказала мама.

— Не сразу оно всё делается, — продолжал дед. — И по-разному происходит. — Он поднялся со стула. — Пошли, Лёшка. У тебя там, по-моему, чего-то не дописано.

Идя за дедом по коридору, Лёшка им гордился. Такой маленький, сухонький, немного даже на сморчка похожий со своей бородёнкой! А сказал слово — и вспылчивый папа, хоть и в сильном был гневе, замолчал, как мальчишка перед учителем. И не слышно, чтобы Игоря дальше ругал. Да вон Игорь уже вышел из кухни, в комнату идёт, отпустил его папа.

— Дед, — сказал Лёшка, когда они уселись на дедов диван и даже дверь прикрыли. — А всё-таки что у нас с Игорем? Плохо ему чего-то живётся.

— Ничего, внучек, — сказал дед. — Обойдётся. Возраст у Игоря такой... смутный. Ну, и лень его одолела, это ваш батя верно сказал. Н-да... Больно уж бабушка его баловала, с пелёнок всё с ним да с ним. Души в нём не чаяла. И уж ты Игорька не тронь, слова ему поперёк не скажи! А жалеть-то... тоже надо до предела...

НЕ ПРОХОДИМЦЫ, А НАЙДЁНЫШИ

Стёпа чистила птичью клетку.

Достала через дверцу пластмассовую ванночку. Дверцу закрыла и выдвинула пол клетки. Всё с него стрясла в мусорное ведро, обтёрла тряпкой. Посыпала чистым песком, задвинула его на место. Снова открыла дверцу, поставила ванночку со свежей водой, поправила веточки-деревья — они торчали стоймя во всех четырёх углах.

Чик и Пик прыгали по веткам и по стенам клетки, щебетали, насвистывали, суетились и всё норовили сесть на Стёпину руку, когда рука находилась внутри клетки.

— Не мешайте, непоседы! — ласково ворчала Стёпа. — Воду разольёте. Вот кончу, тогда и купайтесь. — И крикнула: — Папочка, открой, пожалуйста, звонят, а у меня руки заняты.

Папа пришёл сегодня с работы раньше обычного, что-

то писал за столом в другой комнате, к какому-то докладу готовился.

Пришла Ксюша Лузгина.

— Гулять пойдём?

Посмотрела, как Стёпа раскладывает в клетке травинки, нацепляет на сучки кленовые и дубовые листья, будто они тут выросли, и покрутила головой:

— Много тебе с ними возни. А какие это птицы, узнали? Ведь не воробьи, как я сперва подумала, верно?

— Конечно, не воробьи. Лесные пичуги, это ясно. А вот как называются, никто не знает. Не чижи, не щеглы, не зяблики, не синицы. Один папин товарищ говорит, что это, наверно, зеленушки. И те мальчишки, у которых мы когда-то купили Чика и Пика, тоже не знали. . .

Было это два года назад, поздней осенью. Первоклашка Стёпа шла с папой мимо крытого рынка. И вдруг крепче сжала папину руку.

— Ой, смотри! Какие бедненькие!

Двое мальчиков, одному лет двенадцать, другой помладше, переминались с ноги на ногу у входа в рынок. Здесь, под стенкой, их меньше доставал мелкий холодный дождь. Мальчик постарше держал в руке клетку. В клетке примостились на жёрдочке два жалких, иззябших серо-зелёных комочка. Из взъерошенных перьев торчали клювики.

Папа остановился.

— Продаёте?

— Три рубля! — хрипло сказал мальчик, державший клетку.

Младший шмыгнул носом:

— Можно и за два. — И глянул исподлобья на товарища.

— Сами поймали? — спросил папа.

— Вон его брат. — Старший кивнул на меньшего. — Силками.

— А какие это птицы?

— Может, щеглы, — неуверенно сказал младший.

— Не выдумывай, пожалуйста! — сказал папа. — Что я, щеглов не видал? Не знаете, значит? А кормить их чем?

— Обыкновенно, — прохрипел старший. — Семенем. Крошками.

— Папа! — взмолилась Стёпа. — Смотри, как им холодно!

— Ладно, держи три рубля. — Папа протянул деньги. — И беги домой, ты же совсем простужен.

Мальчик живо отдал ему клетку, степенно сказал:

— Спасибо! — А уже отойдя на несколько шагов, крикнул обнадеживающе: — Может, и не подохнут!

Стёпа испуганно ойкнула.

Но Чик и Пик и не думали подыхать. Обогрелись, обсохли, напились воды, поклевали конопляного семени. И вот порхают, распевают целый день.

— Чик, ты что? — строго сказала Стёпа. — Зачем клонул Пика?

— Чик-чики-чик! — последовал звонкий ответ.

— Он говорит, что Пик его обидел, — объяснила Стёпа. — Только я не поняла чем.

— Уж так прямо и сказал? — недоверчиво спросила Ксюша.

— Конечно, сказал, я же слышала. Вообще-то они дружные. Чик поменьше ростом, а задиристее. Но у Пика

очень хороший характер, все приставания прощает. А поют оба замечательно.

Ксюша смотрела на птиц задумчиво, потом сказала:

— Жили бы они на воле, на зиму полетели бы в жаркие страны.

— Но если они такие глупые! — с досадой воскликнула Стёпа. — Я же тебе рассказывала. . .

Летом на даче Стёпа с папой отнесли клетку в лес, поставили её на пенёк и открыли дверцу. Чик и Пик прыгали, сустились, высовывали головы. Наконец выпорхнули. Оба сели на клетку, повертелись там, то взлетали, то садились. И... Пик забрался обратно в клетку, а Чик уселся Стёпе на голову, потом перепорхнул на её руку.

Гнать их от себя, пугать — жалко. А главное, вдруг они разучились жить на воле? Корм не отыщут, ручные, доверчивые, вмиг попадут в зубы лисице или опять угодят в силки. Так и пришлось их унести обратно домой.

— На волю не захотели,—сказала Стёпа огорчённо.— А тут я за них знаешь как боюсь? Проходимцы-то подросли! Видишь? — Стёпа показала подбородком.

На ковре сидели рядом два котёнка. Склонив головы набок, оба пристально, любовно смотрели на птиц.

— Чёртику я совсем перестала доверять, — призналась Стёпа. — Иной раз сижу в школе, и даже жарко станет, как подумаю: а вдруг Чёртик сумел добраться до Чика с Пиком? Мы вешаем клетку на стену, когда уходим, папа нарочно вбил крюк, но всё-таки. . .

— Ты их за то, что подросли и стали опасными, и ругаешь проходимцами? — спросила Ксюша.

— Я не ругаю. Они же и есть проходимцы.

— А кто это — проходец?

— Это тот, мимо которого мы проходим, — уверенно объяснила Стёпа. — Он стоит на нашем пути. Мы проходим. И его подбираем.

В комнату вошёл папа. На лице усмешка.

— Вот, значит, как ты понимаешь, дочка, это слово? Гм! Не совсем логично у тебя получается. Вернее, совсем не логично. Если подбирают, уже, значит, не проходят мимо. И кто проходит? Тот, кто идёт, а не тот, кто сидит на пути идущего... И вообще Ксения права: это слово немножко ругательное. Так что не будем всю эту живность,

это приبلудное зверьё называть проходимцами. Лучше станем их называть... м-м... найдёнышами! Идёт?

— Пожалуйста, папочка. Как хочешь, так и называй. Лишь бы они птиц не съели. Ксюша, а как поживает Пушок?

Ксюша заулыбалась:

— Отлично. Знаешь, какой он игривый, ласковый!

— Пошли бы вы погулять, пока дождя нет, — посоветовал папа. — Клетку я водружу на крюк, не беспокойся.

ЩЕНОК МАРИШИ ГУЛЯЕВОЙ

В тот злосчастный день, когда разбушевался отец, Лёшке вечером крепко попало от старшего брата.

Их комната называлась по старинке, с давних бабушкиных времён, «детской». Игорь злился, если мама говорила: «Пойди, Лёша, в детскую и принеси...» Или: «Игорь, ты в детской раму оконную закрепил? Не разбило бы ветром».

— Какая это детская? — вскипал Игорь. — Для детской нужны дети малые. А таковых здесь нет.

— Верно, Игорёк, верно! — поддакивал Лёшка. — Какие мы с тобой дети?

Мама смеялась.

В тот вечер, едва братья остались в «детской» с глазу на глаз, собираясь лечь спать, Игорь налетел на Лёшку:

— Не думал, что ты такой глупец! Детский сад! Взял и обхамил родителей, как... балда последняя! Кстати, в разговорах о штанах и ботинках и ограниченности нет, скорее... ну, что ли, забота о человеке. Дурак!

Игорь говорил звенящим шёпотом, и от этого слова его казались почему-то ещё обиднее.

Лёшка надулся и ткнул Игоря кулаком в бок:

— А ты учись получше, вот папа и не будет сердиться!

— Ну, уж это не твоя забота! — зашипел Игорь. — Вот как дам сейчас — кубарем полетишь. И вообще ты ко мне больше не суйся! Я с тобой, как с человеком, а ты...

И вот уже несколько дней Игорь с Лёшкой не разго-

варивает. Точно и не брат он ему. Живут в одной комнате, как чужие. И даже незнакомые. А ведь, бывало, как весело болтали по вечерам. Мама, случалось, в стенку постучит: «Спать пора! Утром не встанете!»

От обиды Лёшка даже всплакнул малость на дедовом плече:

— Игорь со мной не разговаривает. Я для него — ноль без палочки.

— Ничего, внучек, обойдётся!

— А ты бы ему велел, деда, чтобы он... опять со мной дружил. Чего не велишь? Тебя даже папа слушается! А Игорю сказать не можешь...

Дед молча усмехнулся.

Но долго расстраиваться Лёшка не умел. Стоило ему выйти во двор и увидеть знакомых мальчишек, как душой его овладевало веселье и удаль.

Природе, как видно, надоело тешить бабок-пенсионеров ясными солнечными деньками: погода испортилась. Порывы холодного ветра срывали листья с деревьев, гнали их по тротуарам и по мостовой. Дождь принимался хлестать по десять раз в день. Канава-траншея наполнилась водой, не очень-то в ней притаишься. Мяч гонять по лужам тоже как-то неуютно.

Но ребята находили себе занятие. Играли в прятки, в догонялки, сражались на деревянных шпагах не хуже тех первоклассников, что чуть не свалили Лёшку в канаву.

Слава Купцов смастерил кораблик из бумаги и пускал его в луже. Лёшка с Гошкой смотрели и спорили, к какому берегу кораблик подплывёт. И вдруг увидели девчонок.

Из подъезда выскочили Петелина с Лузгиной. Присели на скамейку и зашептались — и чего это девчонки так любят шептаться? Но и двух минут не просидели, сорвались с места и куда-то понеслись. А, понятно! Из-за угла показалась Мариша Гуляева. А рядом с ней — вот так штука! — шёл на поводке неуклюжий головастый щенок.

— А ведь это, кажется, настоящая овчарка! — сказал Купец. Вытащил из лужи промокший кораблик и вприпрыжку помчался к девочкам. Лёшка с Гошкой пустились за ним.

Ух, и фасонила же Гуляева! Выступала важно, поглядывая на всех сверху вниз, будто до неё ни у кого никогда в жизни не было собаки.

Однако щенок был в самом деле преотличный. Лапы толстые, хвост коротенький. Сам большеголовый, уши мягкие, болтаются, как тряпочки. Весь серо-песочный, а мордочка тёмная, с чёрным носом и блестящими глазами, во все стороны ими ворочает.

Гошка к щенку нагнулся, протянул палец. Щенок то-ненько тявкнул. Все засмеялись. А Гуляева нахмурилась:

— Свистунов, не трогай! Он должен знать только мои руки!

Гошка выпрямился, но сразу завопил:

— А Петелиной почему можно?

Лёшка поддержал друга:

— Где твоя справедливость, Гуляева?

Дело в том, что Петелина присела на корточки и забрала щенка в подол пальто. Уж она его и гладила, и за уши трепала.

— Ах ты мой миленький! Ах ты мой славненький!

— Для Стёпы — исключение, — не совсем уверенно сказала Гуляева. И, помолчав: — Но вообще, Стёпа... ты уж слишком. Овчарок не заласкивают. А это самый настоящий чистопородный овчар! Пират, ко мне!

Мальчики и Лузгина дружно фыркнули: Пират и не взглянул на свою хозяйку, высунул язычок и лизнул Петелину в щёку.

Гуляева слегка покраснела:

— Он ещё маленький. Не все команды знает. Стёпа, отпусти его, слышишь?

Петелина поставила щенка на землю и вздохнула:

— Как бы я хотела такого!

— А ты заведи! — сказал Лёшка. — Попроси родителей.

И Лузгина поддержала:

— Правда, Стёпа, попроси папу. Может, подарят. Будем с ним возиться. Ведь щенок птиц не съест.

— А эти... найдёныши? — сказала Стёпа. — Собака вполне может их обидеть.

— Найдёныши? — удивился Купцов. — Какие такие найдёныши?

И Лёшка с Гошкой уставились на Петелину.
Петелина вынула изо рта у Пирата обшлаг пальто, который Пират с аппетитом сосал, и воскликнула:
— Ой, мальчики! Вам не нужен котёнок? Хороший-хороший! Весь чёрный, Чёртиком зовут.

— У нас есть кот, — сказал Кушцов. — Куда нам ещё?

Свистунов сказал:

— У нас соседи не разрешат. Вдруг напачкает или что-нибудь стянет.

Снизу вверх, так как всё ещё сидела на корточках, Петелина просительно взглянула на Лёшку:

— Кузьмин, а ты? У тебя бабушка такой добрый.

— А ты откуда знаешь? — удивился Лёшка.

— Я же вижу. По лицу. Спроси своего бабушку, пожалуйста, очень тебя прошу! Такой хороший Чёртик!

Лёшка подумал и сказал снисходительно:

— Так и быть — спрошу. Что мне, спросить жалко?

Петелина поднялась с корточек и отбежала мелкими шажками. Щенок за ней. Но на полпути повернулся неуклюже и, смешно переваливаясь, подбежал к Лёшке: хотел ухватить за штаны. Лёшка увернулся. Все засмеялись.

Гуляева спустила Пирата с поводка:

— Надо ему порезвиться.

Потешно переставляя толстые лапы и твякая, щенок гонялся за ребятами. Теперь уже и Гуляева, забыв свою важность, хохотала вместе со всеми.

Вечером Лёшка, захлёбываясь смехом, рассказывал деду про Пирата: как он пытается рычать, да ничего не выходит, а на пролетавшего голубя так таращился, что повалился, не удержав равновесие.

— Да, деда! — вспомнил Лёшка. — Нас упрашивают котёнка взять. Нам вроде бы ни к чему, но я обещал тебя спросить. Чёртиком зовут.

— Кто спрашивает?

— А Петелина из нашего класса.

— Петелина? Постой! Это с нашего завода конструктора Петелина дочка? Хороший мужик, знающий. Они на восьмом этаже живут. Знаю, знаю, такая светленькая девчушка. Ещё имя у неё старинное... а-а... Степанида.

— Ну, дед! — с восхищением сказал Лёшка. — Всё-то ты знаешь!

— Чего ж мне не знать, если эта Степанида после тебя через два месяца родилась? В одном сквере вы, бывало, гуляли, ты с бабушкой, а Стёпа с мамой. А почему они от котёнка освобождаются?

— Не знаю. Там, кажется, птицы какие-то. Так всех упрашивала: «Возьмите!»

— А что ж! — сказал дед. — Хороший котёнок нам не помешает. От него уют. Спросим маму. А я не против.

Так вышло, что дня через два, в воскресенье, Лёшка влез в лифт и поднялся на восьмой этаж.

НО ВЕДЬ ЭТО — НА ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ!

Несколько дверей выходит на лестничную площадку. Которая же Петелиных? Номера-то он не знает. Не звонить же во все двери по очереди.

Лёшка постоял в раздумье. Завтра, что ли, в школе спросить у Петелиной, где она живёт? И вообще чего он попёрся? Ей надо отдать кота, пусть сама и принесёт.

Он уже хотел уйти, как вдруг услышал звонкие трели. Лёшке показалось, что не на лестнице он стоит, а в чаще леса. Странно это было и очень приятно, Лёшка невольно заулыбался.

Да ведь у Петелиных птицы, что-то там девчонки говорили... За какой это дверь щebet и свист?

Лёшка прислушался и уверенно позвонил в одну из дверей. Щёлкнул замок. В дверном проёме стояла Петелина. За её спиной было много света: широко открыты двери в залитую солнцем комнату. Лица Петелиной — против света — было не разглядеть. А птичьи голоса так и звенели.

— Мы согласны! — сказал Лёшка. — Давай котёнка!

Молча Петелина встала боком: проходи, мол. Лёшка прошёл. Потом повернулся к своей однокласснице и вытирали глаза: лицо Петелиной распухло от слёз, нос был красный, губы кривились.

— Ты что? — растерянно спросил Лёшка. — Случилось чего? Так я лучше в другой раз... Ты сама принеси!

Петелина подтолкнула его в спину. Поневоле он шагнул в комнату. Так же молча Петелина толкнула его на диван. Сама села рядом, глядя в пол и вздыхая.

— Чего ты ревела? — спросил Лёшка. — А где... это самое... родители твои?

Он огляделся. На подоконнике большая клетка. В ней стоя ветки. По веткам прыгают и распевают две птицы. А на ковре валяется, играет своим хвостом маленький серый котёнок.

«А говорила: весь чёрный, — подумал Лёшка. — И зачем соврала?»

Будто возразив Лёшке, откуда-то из угла выскочил второй котёнок, побольше ростом. Этот был чернуший, как тушью облитый, зеленоглазый, гибкий. Он скакнул к маленькому, тронул его лапой. Маленький подпрыгнул. И завертелись оба в весёлой игре.

«Этот, значит, Чёртик, — подумал Лёшка. — Игручий какой». И спросил: — Ты, что ли, одна дома?

— Папа... с мамой, — хрипло проговорила Петелина, — в кино... ушли...

— А с тобой чего случилось?

— Жалко очень, — прошептала Стёпа.

— Кого жалко?

— Ну, этих... которые при наводнении утонули...

— При наводнении?! При каком наводнении? Где?

— Я забыла, как называется это место... Кажется, где-то в Южной Америке...

Лёшка присвистнул.

— В Южной Америке? Так чего же ты ревёшь? Ведь это даже на другом полушарии!

— Ну и что? — тихо сказала Стёпа. — По радио рассказывали, я слышала. Огромное очень наводнение, океан на сушу... бросился. Людей много погибло. Как им страшно было... тем детям! Когда их волны в океан уноси-

ли... — Она всхлипнула и кулаком вытерла нос.

Лёшка смотрел на Петелину в полном недоумении.

Всё-таки эта девчонка — чудачка. За сотни тысяч километров, на другом конце света, погибли от наводнения дети, которых она никогда в жизни не видела. А она ревёт, будто это её близкие друзья потонули. Чудачка, просто чудачка!

Лёшка встал с дивана, поймал чёрного котёнка и стал его гладить.

— Этот Чёртик? Я за ним пришёл.

Петелина сказала строго:

— Только обращайся хорошо, слышишь?

Лёшка засунул Чёртика под куртку, одна чёрная голова торчит. Котёнок не вырывался — молодец.

— Ну, я пошёл. Птицы у тебя здорово поют.

Петелина проводила Лёшку в переднюю. Пощекотала Чёртика между ушами.

— Он очень любит свежую рыбу. И чтобы с ним играли. Понял?

— Да ладно тебе. Указчица.

— А я приду — проверю, как ему живётся! — пообещала Петелина всё ещё сильным голосом.

Дома Лёшка спустил котёнка на пол.

— Вот! Чёртик! Прошу любить и жаловать.

— Ишь ты! — подивился дед. — Хоть бы одна белая отметинка! Иди, Чёртушка, попей молока на новом месте.

В кухне, глядя, как исправно лакает Чёртик, Лёшка спросил задумчиво:

— Дед... тебе жалко... вот которые в океане потонули? Во время наводнения.

Дед глянул с удивлением, но тут же сообразил:

— А, это ты про большое наводнение, о котором в газетах писали? Конечно, жалко людей, очень даже жалко. А ты что, по радио услышал? Или в школе вам об этом бедствии толковали?

— Не в школе. Стёпка Петелина там... Обревелась. Унесённых в океан детей жалеет.

— Вот оно как! — промолвил дед. — Чувствует, значит, девчушка чужое горе, понимает...

— Уж очень это далеко... — сказал Лёшка.

Дед пожал плечами:

— Однако на одной планете живём, на одном земном шарике. И тем более, далеко — близко, это в наше время особого значения не имеет. Сегодня я дома, в Питере, а сел на самолёт — и, смотришь, я уже там, где это самое наводнение. Так-то, внучек!

БЕЗЖАЛОСТНЫЕ ПЯТИКЛАССНИЦЫ И ВРУН ГУСАРОВ

Лёшка и Гоша Свистунов шли по улице.

— До чего же переменчивая погода в Ленинграде! — сказал Гоша. — То солнце, то дождь. А есть острова, где всегда, безо всякого перерыва идёт дождь.

— Этак и просохнуть не успеешь! — засмеялся Лёшка.

— И не просыхают, — серьёзно сказал Свистунов. — Так и живут мокрые. Привыкли. Как раз там водятся змеи длиной в сто метров.

Больше всего на свете Гошка любил читать книги про путешествия. Где-то он доставал их целую кучу. И потом рассказывал Лёшке про всякие джунгли, саванны и пустыни.

— О стометровой змее я уже от тебя слышал, — сказал Лёшка. — Наш Игорь говорит, что таких змей не бывает.

— Бывает, бывает, — умудрённо сказал Гоша. — Если бы на тех островах хоть тонюсенький луч солнца показался, тамошние жители попадали бы от удивления. А у нас то так, то сяк. И мы не удивляемся. Видишь, опять выглянуло?

Солнце будто дразнилось. Покажется, всё осветит вокруг, сразу всё повеселеет. И тут же спрячется за тучу, дождик брызнет с ветром пополам. И опять просияет...

Мальчишки пересекали пустырь, на котором ещё только собирались строить дом.

— Гляди-ка! — показал Гоша.

Мальчишка, года на два постарше их, волочил железный лист. На листе лежал ржавый радиатор.

— Металлолом собирает, — сказал Лёшка.

И такое вдруг началось интересное, что друзья оставались как вкопанные.

Откуда ни возьмись, к мальчишке с радиатором подскочили ещё двое. И давай его от листа отталкивать! Мальчишка отбивался, кричал:

— Не имеете права! Я нашёл!

Всё равно бы ему с двумя не совладать. Да налетели с пронзительным криком три девчонки:

— А ну, убирайтесь! Не ваша добыча!

Девчонки так заработали кулаками, что пришлые мальчишки плюнули и убежали.

— Скажи спасибо, Никишин! — звонко приказала одна из девчонок. — За то, что мы тебя спасли!

— А ты молодец! — подхватила другая. — От такого — для парового отопления — нашему пятому классу знаешь сколько килограммов прибавится! Ну, вези, а мы тебя проводим, чтобы кто не отнял.

Лёшка с Гошей переглянулись с удивлением и потихоньку пошли следом.

Вот так зрелище! Никишин и так весь вспотел, а теперь тащил лист и прямо надрывался. Ещё бы! Теперь на листе кроме тяжёлого радиатора восседала голенастая и совсем не худенькая девчонка. Две рядом идут, а одна барыней на листе едет и дырявый чайник на коленях держит. Немножко проедет, соскочит. Другая девчонка у неё чайник заберёт и усядется на лист.

Сколько-то метров Никишин протащил и встал, как загнанная лошадь, отдышался и говорит:

— Лучше бы вы меня не спасали. Если с вами в придачу, так я бы этот радиатор чужому классу с превеликим удовольствием отдал!

— Ах ты, несознательный! — набросились на него девочки. Заметили третьеклассников и на них обрушились: — А вам чего надо? Тоже на наш металлолом заритесь?

Свистун с Лёшкой убежали.

Уже на тротуаре Гоша сказал:

— Наши девчонки хоть и верховодят, но всё-таки так с нами не обращаются. Он мог просто на землю свалиться. ... бездыханный. Этот Никишин.

— Пусть бы наши так посмели! — хмыкнул Лёшка. — Мы бы им показали!

Однако из их третьего класса девочкам тоже в рот палец не клади. Мальчики в этом через пять минут убедились. Везло им сегодня на всякие происшествия.

— Зайдём в магазин, — попросил Гоша. — Мама мне велела вермишель купить. — И показал бумажный рубль, вытащив его из кармана.

В магазине стояла в кассу довольно длинная очередь. А в самом её начале топтался, норовя пролезть... Гусаров. Подойдя поближе, мальчики услышали его жалостный голос:

— Пустите меня, пожалуйста, без очереди! У меня бабушка больная одна дома сидит, а мне ещё надо в аптеку сбежать.

Морщинистая старушка расчувствовалась:

— Значит, ты добрый внучек? Становись впереди меня. Граждане, пусть мальчик заплатит, у него бабушка больная.

Кассирша отпускала быстро. Как раз подошла очередь старушки. Гусаров живо перед ней встал, протянул в кассу деньги и совсем другим, бодрым голосом сказал:

— Мне орехов триста грамм!

Лёшка и Гоша фыркнули. Старушка удивилась:

— Я думала, ты что необходимое будешь брать. А ты... орехи!

— Моей бабушке орехи врачом прописаны! — нахально сказал Гусаров, живо сгрёб чек и сдачу и захватским шагом направился в тот отдел, где продают орехи.

Лёшка со Свистуновым двинулись за ним. Гоша окликнул:

— Эй, Гусар!

Гусаров не слышал и не оглянулся. Но и до прилавка не дошёл. Как из-под земли выросли перед ним Мариша Гуляева и Сенькова, по прозванию Племянница.

— Ну, Гусаров! — раздувая ноздри, сказала Гуляева. — Так враты! Мы всё слышали. А ещё в пионеры готовишься!

— Отпусти сейчас же моё плечо! — зашипел Гусаров. — Ты что, дружинница? И чего это я соврал?

— Больна у тебя бабушка? Да, больна? — пропищала Племянница. — Да мы её сейчас видели, твою бабушку!

В магазин с Маришиной тётей шли и видели. Твоя бабушка весёлая, улыбается.

— Она в поликлинику, значит, пошла,— буркнул Гусаров.

Лёшка расхохотался:

— Орехи врачом прописаны! Да твоей бабушке и не разгрызть!

А у Мариши в голосе командирские нотки:

— И эти здесь?! Мы всех вас на классном собрании разберём! Как вы врёте и без очереди лезете.

— А мы-то при чём? — дружно возмутились Гоша и Лёшка.

Возле них раздался возглас:

— Дети! Дети! В магазине шуметь... Мариша! Как ты себя ведёшь? — Это тётя Гуляевой к ним подошла. — Все на вас смотрят, стыд какой! — Она взяла Маришу за руку и поспешно увела.

Племянница за ними побежала, крикнув на прощанье:

— Дождётесь в школе! Дождётесь!

— И наши девчонки вредные, — сказал Лёшка.

— Факт! — согласился Гоша.

Оба поискали глазами Гусарова. Но того и след простыл. В отделе с орехами очереди не было. Зато друзьям пришлось встать в хвост, чтобы заплатить за вермишель.

НУ И ТРУСИХА ЖЕ!

Расставшись со Свистуновым, Лёшка не спеша шёл через сквер. И вдруг увидел... Гусарова. Тот сидел на скамейке и камнем колот грецкие орехи.

Лёшка подошёл к нему и спросил насмешливо:

— Ты что ж это бабушкино лекарство лопаешь?

— А иди ты! — отмахнулся Гусаров. И протянул Лёшке ядрышко, выбрав его из кучи скорлупок: — Хочешь?

Лёшка присел на скамейку. Живо они прикончили орехи.

— Всё! — с сожалением вздохнул Гусаров. Вдруг

встрепенулся, показал пальцем: — Смотри, Петелина! Вон на той стороне.

Скамейка близко от решётки, улицу хорошо видно. В самом деле, по ту сторону мостовой стояла на тротуаре Петелина. Вот она нерешительно ступила на мостовую. Мимо пронеслась машина. Петелина отпрянула обратно на тротуар. Наконец, боязливо озираясь, скорым шагом пошла через дорогу. Миновав середину, побежала, хотя лишь вдали — двадцать раз успеешь перейти — показалось такси.

— Машин до чего боится! — презрительно заметил Гусаров.

Лёшка кивнул:

— Ага!

— Сейчас она через сквер пойдёт... — Гусаров вскочил. — Что я придумал! Отомщу ей за Гуляеву, ведь они подружки!

— Маришка и к нам со Свистуном прицепилась, — обиженно сказал Лёшка. — Ни с того ни с сего!

Гусаров потащил Лёшку за кусты. Там натянул куртку на голову, а руки втянул в рукава. Велел Лёшке:

— Делай, как я!

— Зачем? — спросил Лёшка. Но тоже натянул куртку на голову и втянул руки в рукава.

— Идёт! — шепнул Гусаров.

На аллее показалась Петелина. Шла с задумчивым видом. Уже смеркалось, но лицо-то можно рассмотреть.

Как только Петелина поравнялась с кустами, Гусаров выскочил ей наперерез. Перед девчонкой завертелась непонятная сгорбленная безголовая фигура с болтающимися рукавами. Да не одна, а целых две фигуры: Лёшка тоже выскочил.

От неожиданности Петелина вскрикнула. Попятилась и хотела обойти этих скачущих, подпрыгивающих. Но не тут-то было!

С рычаньем, с угрожающими возгласами мальчишки заплясали вокруг неё. Замахивались и даже шлёпали по плечам Петелиной болтающимися рукавами.

Она вся сжалась. Попросила дрожащим от испуга голосом:

— Пу-сти-те!

— Мы черти, черти, черти! — глухим голосом завыл Гусаров. — Проси пощады!

— Черти мы! — вторил Лёшка басом, чтобы Стёпа не узнала его голоса, и шумно дышал, стараясь не расколотаться.

А Петелина — что за глупая девчонка! — вдруг залилась тонким, совсем ребячьим плачем и закрыла лицо двумя руками.

— Эй, что тут происходит? — В конце аллеи появился какой-то человек.

Гусарова как не бывало: юркнул в кусты. Метнувшись за ним, Лёшка успел увидеть: Петелина во весь дух бежит к выходу из сквера.

Немного погодя, приглаживая волосы и расправляя рукава куртки, Гусаров сказал:

— Ну и трусиха же эта Петелина! Даже не ожидал. Я думал, она драться будет, сопротивляться. Хоть попробует разузнать, что за черти такие. Мы бы поугрожали, а она бы — пощады или что... А мы бы потом обнаружили, что это — мы! Вот удивилась бы! И смеху было бы. А то заревела, будто ей пять лет...

— Да-а, — разочарованно протянул Лёшка. — Не очень твоя шутка удалась. Из-за такой её трусости.

ПРИДЁТСЯ УСТРОИТЬ ПРОВЕРКУ

Выздоровела Галина Ивановна.

В коридоре третьеклассники обступили свою учительницу и шумно радовались:

— Галина Ивановна! Галина Ивановна! Наконец-то вы пришли! А мы без вас соскучились. Вы уже совсем поправились?

И вот, как всегда, как все привыкли не только со второго, а даже с первого класса, Галина Ивановна стоит за учительским столом. Высокая, в синем костюме, с пышной причёской. Стоит и спокойно, внимательно оглядывает класс.

Ребята улыбаются. Но невольно подтянулись: сидят прямо, сложив руки на партах.

— Сейчас узнаю, как вы без меня занимались целые две с половиной недели, — сказала Галина Ивановна. — Достаньте тетради по математике.

Она записала на доске условие задачи, в то же время диктуя его вслух. Повернулась лицом к классу:

— Кто хочет к доске?

Поднялось несколько рук. К Лёшкиному удивлению, его сосед тоже поднял руку. Потом Лёшка спрашивал Свистунова: «Зачем ты руку поднял?» — «Нечаянно, — ответил Свистунов. — Сама как-то поднялась». По математике Гошка был не очень-то. А задача попалась трудная.

Не поднимись у Свистунова сама собой рука, Галина Ивановна его вряд ли вызвала бы. А тут...

— Гоше Свистунову хочется к доске, — сказала Галина Ивановна. — Очень хорошо.

Гошка моментально запутался. Лёшка ёрзал на парте: переживал за друга.

— Кузьмин, я вижу, хочет помочь товарищу, — сказала Галина Ивановна.

Лёшка вышел, взял в руки мел и храбро написал первое действие. А потом тоже встал в тупик. Стоял с красными ушами и зачем-то втирал мел в ладонь.

— Кто сообразил, как решить эту задачу? — спросила Галина Ивановна.

Всего три руки поднялись. Две из них сразу же и опустились. Только рука Гуляевой продолжала торчать вверх.

— Мариша, объясни с места!

Ну, эта конечно... Чётко и ясно рассказала, как решать задачу. Под её диктовку Свистунов записал на доске решение, а все записали в тетради.

— Ох, ребята, — сказала Галина Ивановна. — Ведь задачи этого типа вам всем уже полагается решать с лёгкостью.

Дня три Галина Ивановна не объясняла нового, без конца всех вызывала, много задавала на дом и брала тетради на проверку.

А на четвёртый день вместо последнего урока устроила воспитательский час.

— Вы сильно разболтались! — объявила она с огорчением. — Уроки домашние готовите кое-как. Словно забыли, что к домашним заданиям надо относиться с таким же вниманием и тщательностью, как к работе в классе.

Гусаров, почему у тебя совсем не сделано упражнение по русскому, которое я задавала позавчера? Вчерашнее сделано, хоть и плоховато, а прежние — нет. Почему?

Гусаров встал и пожал плечами:

— Позавчерашнее? Не знаю. Не успел, наверно.

— Почему не успел? Когда ты учишь уроки?

— Да вот. . . Учу когда-то. . .

Ребята засмеялись.

— Смешного мало, — сказала Галина Ивановна. — Именно «когда-то». Я догадываюсь, как у Гусарова, да и у многих из вас проходит время. Вы приходите из школы, обедаете, потом бегаєте во дворе. Вернувшись, часто смотрите телевизор. Потом садитесь за уроки. И разве могут быть они хорошо приготовлены, когда вам уже хочется спать? Я не утверждаю, что все ведут себя подобным образом, но повторяю, многие. А Гусаров — безусловно.

Стали обсуждать, что делают ребята, на что тратят время, вернувшись из школы. Оказывается, живут они очень по-разному. Таня Кацман много возится с младшими сестрёнками-двойняшками, помогает бабушке. Назаров часами мастерит модели кораблей. Многие ходят на уроки музыки, несколько ребят — на уроки английского языка. Большинство действительно носится во дворе до самого прихода родителей с работы, а то и гораздо дольше. Тётушка с Племянницей бегают друг к другу по пять раз в день, хорошо хоть, что живут через дом друг от друга. И почти ни у кого нет определённого времени для приготовления уроков.

Галина Ивановна сказала твёрдо:

— К шести часам вечера, в крайнем случае — к половине седьмого, уроки должны быть выучены. Так и договоримся. А на будущей неделе устроим проверку, как мы выполняем своё решение. Посетим ребят на дому, пойдем в такой рейд, я и представители от звёздочек.

Рейд! Рейд! Это же очень интересно. Девочки пришли в волнение, трещали о рейде на всех переменах. И мальчикам было любопытно: ведь рейдов у них ещё не бывало.

Однако прошло пять дней, а в рейд всё не шли: Галине Ивановне было очень некогда.

Потом девочки зашушукались, о чём-то засовещались. Что-то они затеяли, но мальчиков в свои планы не посвятили.

ПУШОК И ОВЧАРКА

Лёшка явился домой возбуждённый. Только что случилось происшествие.

Возвращаясь с прогулки, он вприскокку пробежал мимо двери Лузгиной. Дверь была приоткрыта: из неё шёл чад. Наверно, что-то у Лузгиных подгорело и они проветривали квартиру. Вдруг оттуда выскочил белый пушистый кот. И как раз в этот самый момент сверху спускался жилец из сорок пятой квартиры, сухопарый дядька в мягкой шляпе. Он вёл на поводке огромную овчарку. Овчарка наострила уши и кинулась на кота.

Затем всё произошло с молниеносной быстротой и одновременно. Лёшка бросился вперёд и, на какой-то миг опередив овчарку, выхватил у неё из-под морды сжавшийся белый пушистый комок. Раздался пронзительный девчоночий крик. И окрик дядьки: «Фу-у!» И сдавленный рык овчарки, которую сильно дёрнули за поводок, а потом и за ошейник.

Лёшка стоял, прижимая к себе дрожавшего кота. Дядька быстро уводил пса. Лузгина в дверях заливалась в три ручья.

«Ох, и здоровы эти девчонки реветь!» — подумал Лёшка, протягивая кота Лузгиной.

— Это твой? Что ж ты его выпустила?

— Ой, Кузьмин! — Лузгина уже сияла улыбкой. — Какой ты смелый! У такой собачищи вырвать из пасти моего Пушка! За это я тебе всё-всё прощаю!

— Выискалася! — воскликнул Лёшка. — Чего это мне надо прощать?

— Дразнилки твои. И что задираешься часто... И глупость твою, да всё!

— Глу-упость? — завопил Лёшка. — Сама умная, как... сковородка!

— Ну, разве я не права, что ты очень глупый? — сказала Лузгина.

Лёшка сделал ей: «Бэ-э-э!» Смутился, сообразив, что изображать из себя барана не доказательство ума, и скакнул вверх по лестнице через две ступеньки сразу.

— А Стёпа-то как обрадуется, что ты Пушкиа спас! — крикнула ему вслед Лузгина. — Ведь он прежде её был. Она мне подарила. А ты всё равно герой!

Конечно, Лёшка во весь голос, размахивая руками, рассказал деду, как овчарка чуть не сожрала кота Лузгиной.

— Это Петелина ей дала такого красивого. А нам — Чёртика! Может, она уже весь дом котами снабдила.

— Да ну? — засмеялся дед.

— А не снабдила, так ещё снабдит. Где-то она их подбирает. Это сейчас, когда в третьем классе, и то находит. А что будет, когда вырастет и ей ни в чём не будут препятствовать? Тогда она, наверно, дикобраза подберёт. Ха-ха-ха! От игл в комнате будет не повернуться!

Из «детской» вышел Игорь:

— Что ты ржёшь на весь дом? Мефистофель нашёлся!

— Это кто — Мефистофель? — Лёшка подскочил к брату, заискивающе заглянул ему в глаза. Пусть как угодно его обзывает, лишь бы пошутил с ним, повозился, как прежде.

Но Игорь отстранил брата:

— Ты мне мешаешь заниматься, понял? — И ушёл, только его и видели...

Слёзы обиды навернулись Лёшке на глаза.

Дед потрепал его по затылку:

— Не расстраивайся, внучек! Опять наш Игорёк не в настроении. Пусть себе занимается. Пошли ко мне.

Лёшка поплёлся за дедом. Неужели Игорь так всю жизнь и будет его презирать?

— В шашки сыграем? — предложил дед.

Через несколько минут Лёшка радостно вскрикнул, съедая подряд две дедовы шашки. Раздался звонок, Лёшка побежал открывать.

Это ещё что такое? Перед ним стояла Инна Кулешова, по прозванию Тётушка.

С места в карьер, даже не поздоровавшись — хотя что же здороваться, если они виделись сегодня в школе? — Тётушка затараторила:

— Иди скорей! Ты будешь представителем от мальчиков. Стёпа велела тебя позвать. Ты живёшь в этом доме и, тем более, совершил геройский поступок: спас Пушка от разъярённой овчарки. Ксюша нам рассказала, и Стёпа прямо вскрикнула от ужаса и за щёки схватилась. Двумя руками за обе щеки. Ну, что ты стоишь? Надевай пальто и живо идём! Стоит, как неживой! Ум хорошо, а два лучше.

— Какие щёки? — спросил Лёшка. — Я ничего не понимаю.

За его спиной посмеивался дед.

— Здравствуй, девочка, заходи!

— Здравствуйте, здравствуйте! — закланялась Тётушка. — Куда там заходить! Нам очень некогда. Кузьмин будет представителем. . .

— Каким таким представителем? — крикнул Лёшка. — Говори понятно!

— А ты иди, если зовут! Семеро одного не ждут. У меня даже в рифму получилось!

Любопытство разобрало Лёшку. Он сорвал с вешалки пальто и, напяливая его на ходу, побежал за Тётушкой — Кулешовой.

МЫ ПОЙДЁМ САМИ

На скамейке у подъезда сидели Стёпа Петелина и Ксюша Лузгина.

— Наконец-то! — воскликнули обе, вскакивая.

Лёшка оглянулся по сторонам:

— А где же семеро? Ты ведь сказала, Тётушка, что семеро меня ждут.

Но Тётушка не удостоила его ответом.

Быстро заговорила Стёпа:

— Вот что, Кузьмин! Мы решили сами провести рейд по проверке, учат ли вовремя уроки. Но у Мариши Гуляевой заболело горло, тётя её не пустила на улицу. И поэтому...

— Сидит с компрессом! — подхватила Лузгина. — И полощет горло, чтобы к завтраму поправиться и не пропустить школу.

— А откладывать — уже решили не откладывать, — продолжала Стёпа.

— Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят! — вставила Тётушка.

— И мы вот прямо сейчас пойдём в рейд! — сказала Стёпа.

— А я тут при чём? — Лёшка насмешливо взглянул на Тётушку. — Что ж ты свою родню с собой не взяла?

— От нашей звёздочки пригласили меня, а не Соню, — ответила Тётушка.

— Нам нужен представитель от мальчиков, как ты не понимаешь. Вот бестолковый! — И Петелина — что за нахалка! — ткнула Лёшку кулаком в плечо.

— Сама ещё бестолковее! А я давно всё понял. Но один среди девчонок я не пойду.

— Молодец среди овец, — глубокомысленно произнесла Тётушка. — А на молодца и сам овца.

— Инка, ты что? — обиделась Лузгина. — Это кто овцы? Уж не мы ли?

Лёшка захохотал:

— Призналась! Призналась!

— Не ссорьтесь, пожалуйста! — миролюбиво сказала Стёпа. — Инка просто так, немножко помешалась на пословицах. Её старшая сестра — семиклассница — собирает пословицы и поговорки, — объяснила она Лёшке. — Инна ей помогает, ну и... навёртываются они ей на язык.

— Один не пойду! — повторил Лёшка. — Свистуна позовём, а? Со Свистуном пойду.

— Так он где живёт? — сказала Лузгина. — Он же не в этом доме, далеко.

— Чего далеко? — возразил Лёшка. — Квартала два всего.

Петелина затрясла косичками:

— Слишком долго за Свистуновым бегать. Девочки,

а кто тут близко из мальчиков? Раз Кузьмин одним представителем быть не хочет. . .

— А совсем без представителя? — вопросительно сказала Тётушка.

— Нельзя! Нельзя! Ведь пойдём к мальчишкам, надо, чтобы и от них тоже!

— Стёпа права! — закивала головой Лузгина.

Вдруг Лёшка свистнул так оглушительно, что Тётушка зажала уши. А Стёпа возмутилась:

— Если ты так во время рейда будешь!

Но все простили Лёшку, когда увидели, что, по его зову, к ним бежит Слава Купцов. Невдалеке он прогуливался, перескакивая через лужи. Лёшка его заметил, а девочки — нет.

Купцов вмиг понял, в чём дело: объяснил-то ему Лёшка в двух словах, а не тараторка Тётушка со своими пословицами — и охотно согласился быть вторым представителем.

Теперь надо было решить, к кому из ребят отправиться с проверкой.

— К Свете Морщихиной, — предложила Тётушка. — У неё по русскому была двойка. Если она ещё и уроки не станет вовремя. . .

— К Свете нельзя! — заявила Стёпа. — У неё мама больна. Наверно, от этого Света и получила двойку, не учила правило. Галина Ивановна узнала, что мама Светы сильно заболела, и сказала: «Эта двойка у тебя не будет считаться, я тебя после спрошу».

— И когда всё это было? — поинтересовалась Тётушка. — Я ничего не слыхала.

— На перемене, — сказала Стёпа. — Света заплакала. Галина Ивановна к ней подошла. И я тоже. И они поговорили.

— К Шилову пойдём! — предложила Лузгина. — Он разницу между квадратом и прямоугольником — ни в зуб ногой!

— А ты — ни в зуб рукой! — съехидничал Лёшка.

— К Шилову тоже не надо идти, — сказала Стёпа. — У его сестрёнки, кажется, коклюш. Кашляет ужасно и в детсад не ходит.

— Так ведь сам Шилов в школу ходит, — заметил Купцов.

— А вдруг у кого-нибудь из вас не было коклюша, — сказала Стёпа. — И заразитесь. У самого Шилова уже был, вот его и пускают в школу.

— Да откуда ты всё это знаешь? — поразился Лёшка. — Шилов такой тихоня, редко с кем два слова скажет. А ты даже знаешь, что у него коклюш был. Навыдумывала, наверно!

— Стёпа всё знает! — вступилась Лузгина за подружку.

— А-а, всё? — сказал Купцов. — Петелина, сколько будет триста сорок пять прибавить два миллиона двести восемь? Ну-ка!

— Не знаю, — сказала Стёпа.

Тётушка дёрнула Купцова за рукав:

— Мели, Емеля, твоя неделя! Кто же такое в уме сосчитает? А я знаю, к кому пойти. К Гусарову!

— Ой, и правда! — закричали все. — Вот кого надо проверить!

— Но где он живёт? — спросила Лузгина. — Вы знаете, мальчишки?

— Ясно, знаю, — важно сказал Лёшка. — Только к нему далековато. А знаете что? Можно на автобусе. Одна остановка — и у самого подъезда. Пятаки у вас есть? А то я домой сбегая, у деда попрошу.

Денег ни у кого не оказалось, кроме Тётушки. У той в кармане пальто нашлись целые тридцать копеек. Она их с гордостью показала и предложила с удовольствием:

— Я за всех заплачу. Потом отдадите. Долг платежом красен.

Ребята побежали на автобусную остановку.

Если бы они знали, что с ними случится через десять минут, то лучше бы три раза своими ногами сбегали до дома Гусарова и обратно.

СЛАВА ЗОТОВ

Под столбом, на котором краснела крупная буква «А», толпилось с десятков людей. Подошёл автобус.

Молодая женщина поднялась по ступенькам. Вслед за ней сунулся к дверям мальчонка лет четырёх в синем

вязаном колпачке. Ступенька была для него высока, и он, задирая ногу, опёрся о ступеньку руками.

Стоявшая сзади Стёпа пришла в ужас: «За такую грязную руками хватается! Что за мать, сама влезла, а сын сзади...» Всё это молнией пронеслось у неё в голове, и она живо посадила малыша в автобус. Потом вскочила сама. Влезли и остальные третьеклассники. Автобус тронулся.

Стёпа любила маленьких и сразу проследила взглядом за мальчуганом, которому помогла влезть. Вот сейчас он подойдёт к своей маме... Ничего подобного! Молодая женщина прошла вперёд, а мальчик мышонком проскользнул к самой задней скамейке и уселся там в уголке.

Щёки у Степы стали пунцовыми, сердце забилося: внезапное сомнение пронзило её.

— Пойдём! Нам же выходить на следующей. — Ксюша Лузгина подтолкнула Стёпу. — Вон мальчишки уже у выхода. Да что с тобой?

Вместо того чтобы пройти вперёд, Стёпа поспешно протолкалась в конец автобуса. По всему салону раздался её взволнованный голос:

— Мальчик, ты с кем едешь? Вон там, это твоя мама?

Пассажиры стали оглядываться. Кондукторша поднялась со своего места и вытянула шею, засматривая через головы:

— Что там такое?

Молодая женщина, на которую указывала Стёпа, тоже обернулась и сказала с улыбкой:

— Что ты, девочка? Я и не видела этого малыша.

Сам мальчик не отвечал. Весь съёжился и поглядывал исподлобья.

— Так с кем же ты едешь? — испуганно спросила Стёпа.

— Граждане! — провозгласила кондукторша. — Чей это ребёнок? — Люди недоуменно улыбались и пожимали плечами, и она всполошилась: — Батюшки! Один уехал! Вот ещё история! Придётся везти его до кольца, там сдать... Экая морока!

Над Стёпиным ухом прозвучал жаркий шёпот:

— Увезла мальчишку Петелина — ага! Ты его украля — ха-ха! — Это Кузьмин подобрался к Стёпе.

Стёпа пришла в смятение: что делать? У малыша сморщились нос и губы — сейчас заревёт. И Стёпа решилась.

— Пожалуйста! — звонко сказала она кондукторше. — Не надо на кольцо! Мы видели, где он сел, на прошлой остановке, мы его отведём. Найдём его дом!

Кондукторша хмыкнула, подумала и спросила:

— А если не найдёте?

— Найдём! Найдём! А не найдём если, мы его в детскую комнату милиции поведём.

— Я знаю, где детская комната! — подал голос Слава Купцов.

— Ой! Может, не надо? — произнесла тихонько Лузгина.

Тётушка тоже открыла рот: наверно, хотела сказать подходящую к случаю поговорку, но так и не сказала. Кондукторша, оглядев пассажиров, спросила громко:

— А что, правда? Уже большие девочки. Не бросят малого. А то ведь кольцо-то... на другом конце Питера!

— Не очень-то большие, — заметил кто-то.

Ещё кто-то обронил:

— Детям поручать...

Но кондукторша посчитала, что сочувствующих больше.

— Ладно, девочки, отведите его, доставьте! Уж неужто он далеко от своего дома в автобус влез? Ах ты, безобразник! — пожурила она мальчика. — Так, девочки, я на вас крепко надеюсь, ясно?

Автобус остановился у тротуара. Ребята вышли. Стёпа крепко держала за руку малыша, спускаясь со ступенек. Тот слегка упирался.

И вот они стоят на тротуаре вшестером.

— Ну, Петелина, ты даёшь! — веселился Лёшка. — Украла малыша. Уж такого я даже от тебя не ожидал!

Тётушка подпрыгивала от нетерпения:

— Почему Стёпа украла? Я не понимаю, как вообще всё это получилось?

— Она посадила его в автобус, понимаешь? — объяснила Лузгина. — А он ни с кем не ехал, он, оказывается, сам по себе... А Стёпа думала...

— Индюк думал-думал да издох! — изрёк Лёшка. — Такая поговорка тоже есть.

— Хорошо хоть, что автобус был не «без кондуктора», — рассудительно проговорил Купцов. — И не скоростной.

— А мы бы в скоростной и не полезли. На одну-то остановку! — сказала Стёпа и наклонилась к мальчику: — Как тебя зовут?

— Слава Зотов, — ответил мальчуган.

С большим любопытством он на всех поглядывал, плакать и не думал и крепко держался за Стёпину руку.

— Да мы с тобой тёзки! — воскликнул Купцов.

— Что называется тёзки? — деловито спросил мальчик.

Ребята рассмеялись.

— Тёзка — это значит, его тоже Славой зовут, — показала Стёпа на Купцова. — Ну, пошли.

Она не спеша повела мальчика в ту сторону, откуда они только что приехали. С таким видом, будто они просто гуляют. Все двинулись за Стёпой.

Купцов недовольно выпятил нижнюю губу:

— До самого гусаровского дома доехали!

— Да, досадно! — сказала Тётушка.

Стёпа предложила:

— А вы идите к Гусарову. Я сама отведу Славика.

— Да неужели мы тебя бросим? — закричала Лузгина.

Все пошли дальше.

— С Петелиной свяжись! — пробурчал Лёшка. — Всегда с ней что-то стрясается. То в паука вцепится, то в мальчишку. И всё в транспорте!

— В пау-у-ка? — протянула Тётушка. — Ты, Кузьмин, кажется, того...

— Не я «того», а кто-то другой. В автобусы-троллейбусы её нельзя пускать.

— И что ты на Стёпу нападаешь? — с упрёком сказала Лузгина. — Она у нас лучше всех девочек. Другие хорошие тоже. Но Стёпа!...

Так, препираясь, они тащились за Петелиной. А Стёпа шла себе и шла и потихоньку разговаривала со Славой Зотовым.

— Куда ты ехал, Славик?

— К бабушке.

— А ты знал, где слезать с автобуса?

— Знал. — Синий вязаный колпачок важно кивнул.

Ребята прислушались.

— Может, Стёпа зря всех перебалаламутила? — сказала вполголоса Тётушка. — Доехал бы сам.

— Ничего не зря, — возразила Ксюша. — Такой маленький один на улице!

— А сколько тебе лет, Славик? — спокойно спрашивала Стёпа.

Мальчик показал четыре пальца.

— Вот молодец! — похвалила Стёпа. — Всё знаешь. Ты ходишь в детсад?

— Хожу.

— А где твоя мама?

— Дома.

— А что она делает?

— Стирает.

— А... где ты живёшь?

— Там, — мальчик неопределённо махнул рукой.

Вскоре они подошли к остановке, на которой сиделись.

— Славик, милый, покажи, где ты живёшь! — умильно попросила Стёпа.

Все ждали затаив дыхание.

Мальчик насутился, уткнул подбородок в грудь. Помолчал и сказал упрямо:

— Я хочу к бабушке!

— В воскресенье с мамой поедешь, — сказала Стёпа. — Ну, покажи, как идти к тебе домой!

— К бабушке хочу-у! — взвыл Слава Зотов.

Стёпа беспомощно оглянулась на ребят.

— Не говорит, понимает, что домой хотим отвести, — догадливо прошептала Лузгина.

— А ведь, наверно, знает дорогу домой, хитрец! — сказал Купцов. — Тёзка, где ты живёшь?

Слава исподлобья хмуро глянул на него и крепко сжал губы.

И тут Лёшке пришла в голову идея. Он нагнулся к малышу:

— Покажи мне, пожалуйста, Славка, откуда ты шёл на остановку, когда на автобус садился? Я знал, да забыл!

— Как же ты забыл? — удивился мальчуган. — Вон

из этого двора, конечно! — И показал рукой на высокие, настежь распахнутые ворота напротив автобусной остановки.

Тётушка воскликнула:

— Он живёт в этом дворе!

— Молодец, Лёшка! — похвалил Купцов.

— Оказывается, Кузьмин-то у нас не всегда глупости говорит. — Лузгина посмотрела на Лёшку с уважением. — Бывает и наоборот.

Гурьбой ребята прошли в ворота.

Двор был просторный, с несколькими деревьями, с песочницей посередине. Солнце, уже низкое, золотило серые стены обступивших двор домов, зажгло оконные стёкла, и они казались залитыми огнями.

— Славка, покажи, где твой подъезд! — самодовольно приказал Лёшка.

Малыш поднял голову, посмотрел Лёшке в лицо, зажмурился и громко заревел.

А к ним уже подходили. На скамейке возле песочницы сидели какие-то женщины. Теперь две из них приблизились к ребятам.

— Скажите, пожалуйста, — начала Тётушка, — вы не знаете. . .

Одна из женщин, тощенькая старушка в платке, прогудела неожиданно низким голосом:

— Ага! Нашёлся! А девочка где же? — строго обратилась она к Стёпе, всё ещё державшей Славу за руку. — Люська где?

Стёпа опешила:

— Девочка?

И все ребята глаза вытаращили от изумления.

— Они же вместе куда-то убежали, — пробасила старушка. — Озорники неслухменные! Славка, вот он! А Люська-то где же?

— Мы не видели никакой Люськи, — лепетала Стёпа. — Мы. . . Славика. . .

Неистовый рёв заглушил её бормотание. Возле них появилась молодая женщина в накинутой на плечи шали. Кто это такая, было ясно без слов: Слава Зотов был удивительно на неё похож. Стёпа поспешно выпустила из своей руки мягкую, потную ладонь мальчика. Женщина схватила Славу за руку и поволокла его за собой, на ходу

награждая шлепками. Басовитая старушка отправилась за ними.

— Бежим! — шепнул Купцов. — Ещё девочку им какую-то подавай!

Как стоя испуганных воробьёв, ребята вылетели из двора.

РАЗНЕСЧАСТНЫЙ РАДЬКО

Опрометью они вбежали в сквер.

Лёшка плюхнулся на скамейку и принялся хохотать. И вот уже все пятеро смеялись до упаду. То один, то другой бросал реплику:

— А девочка где? Немедленно подайте нам девочку!

— Что это вы одних мальчиков находите?

— Славы Зотова нам мало, нам ещё Люська нужна! Отсмеявшись, Купцов сказал:

— В общем, вместо «спасибо» нам же и попало! Ну, ничего, всё-таки мы его домой доставили.

— Отшлёпала бедного Славика мать, — вздохнула Стёпа.

— За дело отшлёпала, — сказала Тётушка. — Не убегай!

— А боевой парень! — одобрил Купцов. — Такой маленький, а взял да удрал! А как же с рейдом? Так мы никого и не посетили.

Лёшка насмешливо покосился на Петелину:

— Если красть детей, то какой уж тут рейд.

— Но ведь ещё не поздно, — виновато сказала Стёпа. — Кого-нибудь, пожалуй, успеем посетить. Если близко, конечно.

— А Радько-то из нашего класса во-он в том доме живёт, — показал Купцов.

— Купец — просто молодец! — сказала Тётушка и засмеялась.

— Но не среди овец, — добавил Купцов. — Хотя... гм! Ну, живо пошли!

Став вдруг главным, он повёл за собой ребят, сам позвонил в квартиру.

Открыла дверь женщина в переднике:

— Вы за макулатурой? Но мой сын. . .

— Серёжа Радько дома? — спросил Купцов.

— Да, конечно. Но он уже спать ложится.

Ребята страшно удивились.

— Как спать? — воскликнула Тётушка. — Но ведь ещё рано!

— Ой, а который час? — забеспокоилась Стёпа. — Может быть, папа с мамой уже меня ищут?

— Семь часов! — послышался насмешливый голос. — А вы чего это заявили?

Радько предстал перед ними собственной персоной. В незастёгнутой рубашке и в тапочках на босу ногу.

— Входите, ребята, раздевайтесь, — пригласила мама Радько. — А ты, Сергей, застегнись! При девочках таким неряхой. . . У меня там сгорит. . . — Она торопливо ушла.

Ребята живо повесили на вешалку пальто.

Уже в комнате Лёшка спросил:

— Ты чего это решил спозаранку спать завалиться?

— В самом деле, Радько, тебе же не пять лет! — затараторила Тётушка.

— Просто спать захотел! — сказал Радько. — Не имею права?

— Ты уроки выучил? — приступила к делу Лузгина.

— А вы сами-то выучили? — нахально спросил Радько.

— Серёжка! Мы — рейд! — важно сказал Купцов. — Забыл, что на воспитательском часе говорили? Вот мы и начали проверку. А ты ни с того ни с сего с курами спать укладываешься.

— Что же мне, на воспитательском часе спать укладываться? — захихикал Радько. Это был небольшого роста и очень смешливый мальчишка. Тёмный хохолок задорно топорщился у него на макушке.

— От лени человек болеет, а от труда здоровеет, — наставительно сказала Тётушка. — Отвечай, выучил уроки?

Радько прищёлкнул языком:

— А вот и выучил! Что? Съели?

— Покажи! — потребовала Лузгина.

Вприскочку Радько сбегал в другую комнату за портфелем и, посвистывая, достал из него тетради.

Чуть не сталкиваясь лбами, Лузгина с Тётушкой наклонились над раскрытой тетрадкой по математике. И вдруг так завопили, что мама Радько прибежала из кухни:

— Что случилось?

— Извините, пожалуйста! — Стёпа дёрнула за рукав Ксюшу Лузгину. — Это они просто так... нечаянно... Мама Радько ушла.

Тётушка потрясла тетрадкой перед носом Серёжи:

— Несчастный! Ты же сделал совсем не те примеры!

— Как не те? Ты что?

— Не те! Не те! — подтвердила Лузгина.

Лёшка с Купцом отобрали у девчонок тетрадку и стали рассматривать.

— И верно, не те! — воскликнул Лёшка.

— Конечно, не те! — сказал Купцов. — Ты, Серёжка, наверно, в дневнике не тот номер примеров записал. Или, когда стал решать, посмотрел не на ту страницу.

Серёжа лихорадочно рылся в задачнике и в дневнике. Наконец разобрался и за голову схватился:

— Правда, не те! Кара-а-ул! Что же теперь делать?

— Ну, ничего, — утешила его Тётушка. — И на старуху бывает проруха. И вообще — повторять да учить — ум точить. Сделаешь эти примеры тоже.

— Иди ты со своими поучениями! — стонал Радько. — Сидел-сидел, решал-решал...

— Придётся тебе не пораньше, а, наоборот, попозже лечь спать, — сказал Купцов.

Радько посмотрел на ребят с завистью:

— А вы, конечно, давно все уроки выучили?

— Конечно, — сказала Лузгина.

— Ну, ещё бы! — сказала Тётушка.

Слава Купцов просто кивнул. Лёшка промолчал: он ещё не написал упражнение по русскому, а математику сделал.

Стёпа смущённо призналась:

— А я ещё не учила уроки...

— Проверять-лики! — насмешливо пропел Радько.

— И зачем сказала? — подсадовала Ксюша.

А у Лёшки неожиданно вырвалось:

— Других проверяй, да и сам не плошай! — Как видно, заразился от Тётушки пристрастием к поговоркам.

Ребята заторопились домой.

ДЕД ЗАБОЛЕЛ

Мама упрекнула Лёшку:

— Где ты бегаешь? Дедушка сколько раз про тебя спрашивал.

Но сказала она это как-то рассеянно. Вид у неё был встревоженный, однако Лёшка сразу почему-то понял, что не из-за него мама такая.

Он разделся в передней и направился в комнату деда. Мать удержала его за плечо:

— Не ходи! Задремал сейчас. Что-то у нас дедушка прихворнул. Неотложка только что уехала.

Из спальни родителей высунулся отец:

— Тихо вы там! Где шатался? Давно пора дома быть. — Но не стал дожидаться Лёшкиного ответа, на цыпочках прошёл в комнату деда, прикрыл за собой дверь.

— Умывайся, ужинай, всё горячее. — Торопливо отдав приказ, мама тоже пошла к деду.

Поев, оставшись в одиночестве, Лёшка пошёл в «детскую». Игорь читал, сидя у стола.

— Дедушка сильно заболел? — спросил Лёшка.

— С сердцем у него что-то, — отозвался Игорь. — Врач хотел в больницу, а дед ни за что. Но не инфаркт, это точно. Они тут сразу сделали эту... электрокардиограмму.

Внушительное слово. Лёшка посмотрел на Игоря с уважением.

— Мама меня к нему не пустила...

— Чего тебе там делать? Спать ложись.

Досадуя, что не удалось рассказать деду об их приключениях, Лёшка написал упражнение по русскому, забрался в кровать и сразу уснул.

Утром он видел деда только мельком. Заглянул к нему в комнату уже со школьным портфелем в руках. Дед лежал на высоко поднятых подушках такой же, как всегда, только бледный. Он улыбнулся Лёшке.

— Деда! — радостно проговорил Лёшка. — Ты подумай...

И больше ничего ему сказать не удалось: мама вытащила из комнаты:

— Ступай! Опоздаешь!

Она не пошла на работу, взяла отпуск за свой счёт на сколько-то дней.

Придя из школы, Лёшка потянул носом: в квартире противно пахло лекарством, — видно, опять деду делали какие-то уколы. Но мама была не такая встревоженная. Радостно сообщила:

— Дедушке гораздо лучше. Наверно, он прав, что не захотел в больницу. Медсестра приходила недавно. Но ты, пожалуйста, не шуми!

— Лексей! — позвал слабый голос деда.

— Сейчас! Сейчас! — громко откликнулась мама. — Пусть руки вымоет.

Наконец-то Лёшке удалось рассказать о вчерашних событиях. Дед дивился: экая история в самом деле! Поинтересовался:

— А учительнице рассказали?

— Не. Рейда-то настоящего не получилось. А Серёжка сделал и те примеры, что задали, тоже. Вот не повезло человеку!

Вошла мама с чашкой и тарелкой на подносе.

— Степан Кузьмич, бульончику с сухариками. — И заметив, что дед поморщился: — Никаких возражений! А ты, сын, отправляйся обедать! Расшумелся тут...

Обед был вкуснейший: борщ, голубцы, клюквенный кисель. И разогревать ничего не надо. Вот что значит — мама дома.

Однако свободы у Лёшки было куда меньше, чем без мамы.

Сразу после обеда — и снова ему ни с того ни с сего пришлось вымыть руки, подумаешь, немножко налипло на пальцы от слишком спелой груши — мама усадила его за уроки, проследила, между делом, чтобы он сделал всё до тютельки. И выпроводила его погулять.

Во дворе, к Лёшкиному удивлению, его два раза оставили совсем незнакомые люди. Вернее, в лицо он их, кажется, знал, видел мельком, но и понятия не имел, как их зовут и кто они такие.

Какой-то пожилой человек в кепке окликнул его:

— Эй, младший Кузьмин! Поди сюда!

Лёшка подошёл.

— Как твой дед себя чувствует?

— Хорошо! — ответил Лёшка.

— Вот это славно! — обрадовался человек и пошёл своей дорогой.

А немного погодя две какие-то бабушки задержали его прямо на бегу.

— Здравствуй, — сказала одна.

— Здравствуйте, — стеснительно и с недоумением ответил Лёшка.

— Как поживаешь? — спросила другая.

— Хорошо, — сказал Лёшка.

Бабушки переглянулись.

— А чего ж хорошего? — невесело усмехнулась та, что поздоровалась с Лёшкой. — Ведь у тебя дедушка заболел.

— Ну, я пойду? — неуверенно сказал Лёшка. И убежал, не понимая, за что бабушки его виноватят.

УЖ ТЫ СКАЖЕШЬ!

Под вечер неожиданно явилась Стёпка Петелина. Надумала прийти с проверочкой, как живётся Чёртику. Мало она в школе донимала Лёшку вопросами, хорошо ли он обращается с котом? Приставучая девчонка!

Дед в это время сидел в кресле. Некому было запретить ему вставать с постели: мама ушла в магазин. На кровати возлежал не дед, а Чёртик: растянулся поверх одеяла.

Лёшка за руку втащил Петелину в комнату — она еле успела сбросить с ног туфли — ткнул пальцем в сторону дедовой кровати:

— Видишь, цел? Спит припеваючи. Что тебе надо?

— Здравствуйте, дедушка, — ступая в одних чулках, смущённо сказала Стёпа. — Извините, если помешала... Кузьмин, подай мне Чёртика!

Дед заулыбался:

— Проходи, девочка, садись! Вот прихворнул малость...

— Ой! Вы больны? Я не знала... — Стёпа присела на кончик стула.

Ухмыляясь, Лёшка сгрёб кота и плюхнул его Стёпе на колени:

— Глазам не веришь? Пощупать надо? Пожалуйста! Стёпа погладила блестящую чёрную шерсть:

— Чёртик! Чёртик! Ты меня узнаёшь? Как ты вырос! И потолстел!

— А ты сомневалась! — попрекнул Лёшка.

Дед сказал:

— Ты, значит, и есть Стёпа Петелина? Давно тебя не видел. Тоже подросла изрядно, не узнать. Учишься, наверно, хорошо?

— Не так, чтобы очень. Потому что меня вызовут, а я сразу испугаюсь, что вдруг забыла... А оказывается: нет, помню. Но... уже четвёрка.

— Она, как вызовут, сразу красная-красная становится, — с удовольствием пояснил Лёшка. — Как варёная

свёкла. Ей учителя часто: «Ты не волнуйся, девочка!» А она...

— Ладно тебе! — перебил дед. — Сам хорош! Не все же такие бойкие, как ты и твой Гошка.

— У нас Мариша Гуляева очень хорошо отвечает, — сказала Стёпа. — Вызовут и — моментально ответит. И всё правильно.

— Вот, значит, какая Мариша молодец, — улыбнулся дед.

Он смотрел на Петелину ласково-ласково, и она смотрела ему в самые глаза.

— А ты, Стёпушка, говорят, котов очень любишь?

— Не только котов. Вообще животных люблю. Я, может быть, зоологом стану. Или врачом. — Стёпа встала. — Спасибо. Я вижу, Чёртику у вас хорошо. До свиданья, дедушка, поправляйтесь!

— Посидела бы. Куда торопишься?

— Сейчас папа с мамой с работы придут. Я им записку оставить забыла.

Когда Петелина в передней надевала туфли, Лёшка приставил большой палец к носу, а мизинцем помахал перед лицом Петелиной. Зачем он это сделал — и сам не знал. Но Стёпа на его поддразнивание не обратила никакого внимания. Сказала шёпотом:

— Какой у тебя дедушка хороший!

— Ещё бы! — с гордостью сказал Лёшка. — Первейший мой друг!

Дед сидел в кресле задумавшись.

— Это, значит, она о погибших от наводнения в Южной Америке плакала? — произнёс он тихо. И добавил: — Стёпа-то ваша — чистый клад.

Лёшка расхохотался:

— Клад? Петелина? Уж ты скажешь, деда! Да она такая, эта Стёпка... Не то чтобы совсем глупая, а... И трусиха, каких свет не видал! Но ты ей очень понравился, знаешь?

Дед не ответил. Молча уставился в окно. Под лохматым бровями глаза у него были совсем прозрачные. В них застыло немножко странное и точно детское выражение.

— Ты, кажется, спать хочешь? — сказал Лёшка. — Ложись лучше в постель, а то мама заругается.

ЧЕГО МОЛЧИШЬ?

Лёшку разбудили какие-то странные звуки. Он сел в кровати, прислушался. Похоже было, что кто-то громко плакал. В комнате стояли густые сумерки. За занавесями едва брезжил рассвет.

— Игорь, чего это? — испуганно спросил Лёшка.

Никто не ответил. Кровать брата была пуста. Лёшка вылез из-под одеяла, всунул ноги в тапочки и, покачиваясь от сна, прошлёпал к двери.

В коридоре он на секунду зажмурился от яркого света. Везде горело электричество: и в коридоре, и в кухне, и в комнате родителей, и в дедовой комнате. Странные звуки доносились именно оттуда. И вдруг у Лёшки как-то захолонуло в груди: да ведь это, кажется, плачет мама... И так громко! Наступая на задники тапочек и от этого спотыкаясь, Лёшка заспешил по коридору.

У дедовой кровати, закрывая её своими спинами, столпились папа, мама, Игорь. Мама рыдала, закрыв лицо руками. Резко прозвенел звонок. Отец ринулся в переднюю, чуть не повалил торчавшего на пороге Лёшку, мимоходом дотронулся до его макушки.

Передняя наполнилась какими-то людьми. Из-под пальто у них виднелись белые халаты. Лёшка догадался: врачи. Отец торопливо помогал им раздеться. Все двинулись в комнату деда. Лёшку отстранили. Потом возле Лёшки возник Игорь — всё лицо в красных пятнах.

— Деду хуже стало? — спросил его Лёшка. — А? Чего молчишь?

Старший брат отвёл Лёшку от порога, плотно закрыл дверь. Посмотрел на него сверху вниз, проглотил что-то. Вдруг порывисто нагнулся к Лёшке, обнял его за плечи, похлопал ладонями по спине. Пробормотал хрипло:

— Лёшка! Ему не хуже... Он... он умер!

НЕРАЗБЕРИХА

Неразбериха какая-то происходила. Просто ничего не поймёшь. Приходили люди, много людей, разные. Некоторых, кажется, даже мама не знала. Со всеми разгова-

ривал отец. Водил их в комнату деда. А там было вовсе что-то нехорошее. Дед лежал неподвижно. Сначала на кровати, потом в длинном ящике. Такой называется гробом. Лёшка в комнату деда только разок заглянул и отошёл подальше.

Два дня он ходил в школу. Но хотя слушал как раз очень внимательно, Галина Ивановна его не вызывала.

В первый день ребята обступили Лёшку:

— У тебя дедушка умер, да? Правда, что дед твой умер?

Лёшка опустил голову, разглядывая носки своих тапочек, и не ответил.

Галина Ивановна всех разогнала, приказала строго:

— Живо по местам! И чтобы я не слышала... всяких распросов!

А через два дня Лёшка в школу не пошёл. Игорь тоже не пошёл. Прямо с утра все отправились в Дом культуры. Неподалёку от их дома. Лёшке случалось там бывать. В кино ходил сколько раз с ребятами. И как-то на фото-выставку вместе с дедом. Они рассматривали фотографии на стенах, дед всё Лёшке объяснял. Очень тогда было интересно. На этот раз в Дом культуры пошли без деда.

В зале толпилась куча народа. Их семью пропустили вперёд. Лёшка увидел: на столе стоит тот самый гроб. Весь заваленный цветами.

А в углу зала сидели на стульях музыканты. Время от времени они подносили к губам трубы. Длинные, красивые и печальные звуки разносились по залу.

Возле стола, по всем четырём углам, стояли люди с красными повязками на рукавах, как у дружинников. Из толпы по очереди выходил вперёд то один, то другой. И каждый говорил речь.

О том, что был это человек замечательный. Он участвовал в гражданской войне и пролил свою кровь за рабочее дело. И он выучил сотни молодых рабочих. И всю блокадную зиму не отходил от станка в ледяном от стужи цехе. И был великим мастером своего дела. И обладал прекрасной душой. И много, так много всего сделал для людей за свою долгую жизнь, что обо всём не рассказать...

Странно было Лёшке. Говорили про какого-то огромного человека, прямо великана, который сворачивал горы всяких трудных, труднейших дел. Такое по плечу борцу-

тяжеловесу. А дед был маленький, сухонький и не очень-то сильный. Лёшка вполне мог бы его побороть, если б захотел. Не побарывал, потому что жалел: старенький ведь. И ещё будто про министра какого говорили, очень важного. А разве дед был важный? Наоборот, совсем простой, знай себе усмежается в усы. . .

Потом Лёшка очутился в автобусе. Сидел рядом с Игорем, а с другой стороны — какой-то незнакомый бритый, полный и грустный. Он погладил Лёшку по голове и потрепал по плечу Игоря.

Приехали на кладбище, вылезли из автобуса и порядочное время оскальзывались на грязных дорожках. Моросил дождь, но никто не надевал шапку. Впереди покачивался на чьих-то плечах гроб. Сейчас он не был завален цветами, а закрыт крышкой в форме трапеции.

Опять что-то говорили. Вдруг отец велел Лёшке взять горсть земли и бросить в яму. Лёшка подобрал мокрый комочек и бросил.

На обратном пути в автобусе Лёшка мельком слышал, как мама расстроенно сказала какой-то тётеньке:

— А всё-таки не ожидала я от него. . . Ни одной слезинки! А ведь уж такие были друзья.

Что-то хмыкнул отец, и по хмыку слышно было, что хмурится.

На другой день папа с мамой пошли на работу, а Лёшка с Игорем — в школу. Всё стало как всегда. В комнате деда было чисто прибрано, аккуратно застелена кровать, будто он ушёл куда-то по делам и вот-вот вернётся.

НЕ ХОЧУ! НЕ ХОЧУ!

Гошка Свистунов полез на пожарную лестницу и грохнулся оттуда. Он не мог подняться с земли и выл от боли. Мальчишки пытались поставить его на ноги, но он только голосил. Их обступили взрослые прохожие. Кто-то вызвал «скорую помощь». Прямо со двора Гошку увезли в больницу. Из их квартиры соседка, тётя Рая, поехала с ним. Потому что родители Гошки и его старшая сестра были на работе.

Лёшка прибежал домой взволнованный. Ещё в передней закричал:

— Деда, а деда! Свистун ногу сломал! А может, и руку тоже...

От пустого безмолвия в квартире у Лёшки зазвенело в ушах.

— Деда! — позвал он негромко.

И ещё раз, тихо и безнадёжно:

— Деда-а...

Минут через двадцать, отпирая своим ключом дверь, Игорь от спешки не сразу попал в скважину. Что такое у них происходит? Какие-то крики, вопли... Разбился Лёшка, что ли? Порезался страшно?

Когда Игорь проник в квартиру, он застал брата в комнате деда.

Лёшка лежал поперёк дедовой кровати, колотил кулаками по одеялу и, задыхаясь от слёз, вопил:

— Не хочу! Не хочу! Не хочу!

Игорь потряс его за плечо:

— Чего ты не хочешь? Лёшка! Перестань!

Весь зарёванный, Лёшка отпихнул его кулаком:

— Отстань! Не хочу-у... чтобы... деда не

бы-ло! О-о-о! — Он захлёбывался, давился слезами.

— Братишка! Малыш! — Игорь гладил брата по спине, пытался его усадить. Сбежал на кухню и принёс стакан воды: — Попей!

Лёшка выбил стакан из рук брата. Вода пролилась на кровать, на пол. Стакан случайно не разбился, упав на

одеяло. Игорь дал Лёшке шлепка. Потом опять погладил по затылку. Топтался в растерянности.

— Ты спятил? Прекрати! Вон всё одеяло обсопливил. . . Ты же всё-таки мужчина!

— А ты! Ты! Всё хотел, чтобы что-то необыкновенное

случилось! — мстительно выкрикнул Лёшка. — Невероятное тебе надо? Вот! Случилось не-вероят-ное! Потому что такого просто. . . не может быть!

Игорь, слушавший Лёшку с раскрытым ртом, побледнел.

— Ты осёл! Как ты можешь городить такую чушь?

— Сам осёл! — проревел Лёшка.

От отчаяния ему хотелось всё крушить вокруг или хоть подраťся. Но подраťся не удалось.

Неожиданно Игорь сказал кротким, совсем не похожим на его всегдашний, голосом:

— Да, я осёл. Потому что огорчал деда. Безо всякого смысла...

А Лёшка уже опять ревел. Так ревел, как никогда в жизни.

В передней раздались голоса: пришли с работы родители.

Игорь бросился им навстречу:

— У нас Лёшка... просто не знаю, что с ним делать!

Мама, как была в пальто, сидела на мокром одеяле, держала Лёшку на коленях, баюкала его, как маленького. И горько плакала.

А Лёшка уже не ревел, только всхлипывал. Голова у него болела, была какая-то толстая и словно чужая. Он задремал, прижавшись к матери.

Через сколько-то времени очнулся. В комнате темно, занавеси задернуты.

Он лежит на дедовой кровати, прикрытый одеялом. Одетый, но разутый. На душе смутно...

И вдруг есть захотелось. Пойти в кухню взять кусок хлеба?

Лёшка поднялся, машинально нашарил ногой тапки — да, стоят, кто-то их сюда принёс, — вышел в коридор.

Из комнаты родителей доносились голоса:

— А ты ещё говорила, что он бесчувственный! Сетовала, что не переживает. . .

— Не сразу до него дошло, — жалобно ответила мама. — Не понял сперва. . .

На пороге появился отец. Увидел Лёшку, сказал спокойным тоном:

— А не пора ли ужинать? Даша, накорми нас, пожалуйста.

Ели все молча. Игорь изредка поглядывал на Лёшку. После ужина отец положил Лёшке руку на плечо:

— Пойдём, сын, поговорим.

В спальне он сел на диван, на котором стелил себе на

ночь, усадил Лёшку рядом и довольно долго молчал. Наконец заговорил, понизив голос:

— Таков уж закон природы, ничего, брат, не поделаешь: не вечен человек. . . Грустно, но это так. Твой дед, а мой отец, Лёша, прожил долгую и славную жизнь. Гордись им! — Отец откашлялся. — На подушечке впереди твоего деда, когда его провожали в последний путь, несли его ордена и медали. Может, ты и не заметил, а несли. . .

Снова Лёшка услышал о больших делах деда.

Но сейчас, в полутёмной комнате, освещённой только маленькой настольной лампой у маминой кровати, как-то иначе Лёшка всё воспринимал, чем в Доме культуры. Сейчас он понимал, что говорит папа про деда, а не про кого-то там огромного и неизвестного.

— Знаешь, как мне-то тяжело? — сказал отец. — Но что делать, девятый десяток пошёл человеку. . . Да-а, батенька мой! Разве сам я такой? Эх. . .

— Ты тоже очень хороший, — пробормотал Лёшка.

— Ну, куда мне до твоего деда! Я и вспылчив бываю, и всякое такое. . . Но ты знай, что и я, и мама с Игорем — мы всегда с тобой. . .

ИНТЕРЕСНЫЕ НОВОСТИ

Утром обнаружилось, что ни одного урока Лёшка не приготовил. Сперва бегал во дворе, задержался из-за беды с Гошкой. А потом не до уроков было. . . Голова у него до сих пор была тяжёлая.

— Ладно, не ходи в школу, — разрешила мама. — Завтра, если не расхвораешься, пойдёшь. Напишу учительнице записку, что по причине не пошёл, а не просто так.

Оставшись один в квартире, Лёшка снова крепко уснул. Проснулся поздно, позавтракал, уселся за уроки. Потом зачитался «Островом сокровищ». Время прошло незаметно.

Пришёл из школы Игорь, рассказал несколько забавных случаев: оказывается, в восьмом классе тоже балуются за милую душу. Братя пообедали.

А потом неожиданно-негаданно явились Петелина и Лузгина.

— Ты не пришёл в школу, — сказала Лузгина таким тоном, будто Лёшка сам об этом не знал. — Заболел, да? Мы принесли тебе уроки.

Кто был доволен приходу девочек, так это Игорь.

— Значит, вы займётесь уроками? Прекрасно! — сказал он. — Девочки, вы посидите подольше. А мне тут срочно нужно к товарищу. И как раз родители придут... Ты смотри, не обижай девочек! — Это Игорь крикнул, уже убегая.

— Обидишь их, как же! — пробормотал Лёшка. И пригласил: — Садитесь, овечки!

Стёпа послушно села на стул в комнате братьев Кузьминых. А Лузгина подошла к окну:

— Смотри-ка, у вас окно во двор! А у нас на улицу. Ну, пиши номера примеров. Да как следует записывай, чтобы не получилось, как у Радько.

Записывая в дневник, что задано, Лёшка спросил:

— Это вас Галина Ивановна прислала?

— Нет, — ответила Лузгина, — мы сами. Потому что ты не пришёл в школу. И у тебя ведь деду...

— А Чёртик где же? — вскрикнула Стёпа. И в упор посмотрела на подружку.

— Спит где-то. Сейчас найду. — Лёшка сорвался с места и вскоре вернулся с котом на руках. — Вот! На маминой кровати разлёгся, бессовестный!

— Мы сами решили тебя навестить, — горделиво повторила Лузгина. — Нам никто не велел.

Лёшка посмотрел на Лузгину подозрительно:

— Это ты захотела мне уроки принести? — Его взяло сомнение: может, Лузгина слышала, как он тут... хуже трёхлетнего? Ведь этажом ниже живёт.

— Нет, не я, — безмятежно ответила Лузгина. — Это Стёпа сказала: «Пойдём отнесём Кузьмину уроки. Заболел, наверно».

Щёки у Стёпы вспыхнули. Она низко склонилась над Чёртиком — сразу, конечно, взяла его к себе на колени.

— А ты и верно заболел, да? — спросила Лузгина.

— Голова болела. Уже прошла, — равнодушно ответил Лёшка.

Он успокоился. Хоть и по той же лестнице живёт, но с восьмого этажа Петелина не могла услышать его крики.

А как раз Стёпа-то и знала о Лёшкиных неистовствах.

Вечером инженер Петелин поднимался пешком — лифт испортился — и услышал крик и плач. Он даже остановился. Из другой двери выглянула на площадку взволнованная женщина.

«Что так ребёнок кричит? Не знаете?» — спросил Петелин.

«Да ведь это Степана Кузьмича младший внук, — ответила женщина. — Разрывается теперь: подавай ему деда!»

Папа пришёл домой расстроенный и рассказал дочке: «Лёшка-то ваш... вот бедный мальчишка!»

А на другой день Кузьмин не пришёл в школу. И Стёпу потянуло к нему: вдруг чем-нибудь она ему поможет?

Но ничего этого Лёшка никогда не узнал.

Стёпа подняла голову и сообщила:

— А к нам сегодня Надя приходила!

— Да-да! — подхватила Ксюша. — Надя из шестого класса, наша октябрятская вожатая. И она сказала, что будет теперь приходить часто-часто. Ведь нас надо готовить в пионеры.

— Она нам про всё расскажет: и почему галстук красный, и про знамя! — Это уже Стёпа сказала. — И ещё...

— И во всякие игры мы будем играть! — перебила Лузгина. — И в шахматы научит, кто, конечно, хочет. Надя в шахматы не умеет. Но у них есть в шестом классе хорошие шахматисты. Ведь весь шестой «в» над нашим классом шефствует!

Интересные новости. Лёшка даже пожалел, что пропустил сегодня школу.

— Наобещала вам с три короба. Может, ничего и не будет...

— Как это не будет? — закричали девчонки. — Будет! Будет!

Тут пришла с работы Лёшкина мама. Она просила девочек остаться обедать. Но обе сказали, что уже обедали, попрощались и убежали.

ТУРИСТ САША ГУСЕВ

Вожатая Надя ошиблась, обещая, что в третий «а» придёт куча шестиклассников. Но один шестиклассник, Саша Гусев, пришёл.

— Ребята! Самое главное для вас — это сдружиться! — заявил он. — Крепко-крепко, как в походах. И нигде человек так... ну, не раскрывается, что ли. Нигде его нельзя так хорошо узнать, как в походе! Поэтому мы с вами будем совершать походы! Вот!

Галина Ивановна кашлянула. Она присутствовала на этом кратком собрании. Вместе с Надей сидела за партой: ребята освободили им место. За учительским столом стоял Саша Гусев, крепкий, коренастый, в красном галстуке и очень решительный.

Когда Галина Ивановна слегка закашлялась и поднесла к губам платок, Саша на неё посмотрел и на секунду замолчал. Потом продолжал так же решительно:

— Конечно, сейчас мы не будем совершать больших походов. Этим мы займёмся весной. А сейчас осень, да... Но кое-что можно сделать и сейчас. Я так считаю! Кто хотел бы пойти в поход?

Подняли руки все мальчики. И большинство девочек тоже. Посыпались вопросы:

— А когда мы пойдём? Куда?

Надя вертелась на парте и кусала губы. Тут она вскочила:

— Одну минуту! Сашка, ты не так делаешь! Ты должен был рассказать им про какой-нибудь поход, в котором участвовал. А ты... Не хочешь ли ты сразу записывать их в поход? Они ещё маленькие!

— Мы не маленькие! — зашумели третьеклассники.

Саша поднял руку:

— Тихо! Дисциплина

прежде всего. Без дисциплины нет туризма. Сейчас расскажу. Этим летом мы совершили замечательный поход. Из седьмого, восьмого класса ребята и несколько человек, которые перешли в шестой класс. Вот! Мы видели двух лисиц и хорька. По следам определили, где водопой у лосей...

В классе стало тихо. Минут двадцать Саша им рассказывал о путешествии по лесам Карелии. Он был, оказывается, заядлым туристом, уже успел повидать много интересного.

— А мы-то, мы-то когда пойдём? — наперебой спрашивали Сашу мальчишки.

Саша подмигнул им многообещающе, помахал ответственно рукой и ушёл вместе с Надей, вполголоса на него ворчавшей.

Галина Ивановна невозмутимо собирала тетради на проверку, словно ничего не случилось. А Надя-то как взвилась!

Ребята приуныли: не очень-то они надеялись, что Саше удастся повести их в поход...

Однако Саша Гусев оказался человеком не только решительным, но и настойчивым.

СТЁПИНЫ МОЛБЫ

— Папа! Ну, пожалуйста! — упрашивала Стёпа, для убедительности прижимая обе руки к груди. — Пустите меня, папа! Ведь там будут взрослые!

Папа шагал по комнате из угла в угол.

Шея у него была замотана тёплым шарфом, лицо хмурое.

— Сам бы с вами поехал, да видишь... — Он дёрнул за конец шарфа. — Собственно говоря, горло у меня уже не болит...

— Не думаешь ли ты с гриппом ехать за город? — раздался из другой комнаты голос мамы. — Хуже маленького. И ребят перезаразишь.

— Мамочка! — взмолилась Стёпа. — Объясни ему, что мне можно ехать! Ничего не хочет понимать. Вот уж не думала, папа, что ты — ты! — будешь меня так мучить! — голос у Стёпы задрожал.

Мама заглянула в комнату:

— Я своё слово сказала. Почему бы Стёпе не съездить? Погода опять установилась. Ну, я пошла в магазин. Павел, не забудь принять лекарство.

В наступившей тишине особенно звонким показался щебет Чика и Пика.

— Вот как заплачу... — пообещала Стёпа.

Папины очки сердито сверкнули:

— Не угрожай, пожалуйста! Не испугаюсь... Так какие же взрослые собираются с вами ехать?

— Старший брат этого Саши! — с жаром воскликнула Стёпа. — Он уже почти инженер...

— Кто? Саша?

— Да нет же! Брат. И он опытный, опытный.

— Студент, значит?

— Он почти окончил институт, Саша говорил. И ещё взрослая туристка. Может, и не одна... Не знаю точно, сколько взрослых туристов. Но ведь Надя ещё будет! Наша вожатая.

— Старшая пионервожатая?

— Не-ет, не старшая. Наша Надя из шестого класса... Я же тебе говорила!

— А учительница ваша не едет?

— Папа! Да ведь это просто маленькая прогулочка. Всего одна наша звёздочка, и то не целиком. Саша с другими звёздочками потом в поход пойдёт. Наша — первая, на пробу... Маришу Гуляеву и то пускают! А ведь её куда не пускают. На урок английского и на музыку, совсем недалеко, и то её тётя провожает.

— Правда, Маришу отпускают на эту вашу экскурсию?

— Честное слово. Она... м-м-м...

Стёпа скорей сжала губы: чуть у неё не вырвалось признание.

Мариша устроила дома настоящий скандал. Как это

её, командира звёздочки, не хотят отпустить, когда её звёздочка едет? Родные — даже строгая тётя — не выдержали такого бурного натиска. Властной Мариша умела быть не только с ребятами.

Всегда Стёпа обо всем рассказывала папе. Но сейчас... нет уж! И что это с ним сделалось? Всегда своей дочке идёт навстречу, можно сказать. А тут...

— Никуда не лезь, поняла? — сердито сказал папа. — В овраги там, в воду какую-нибудь...

— Никуда, никуда не полезу! — поспешно заверила Стёпа и кинулась целовать отца.

Он оторвал от себя её руки:

— Уже полезла куда не надо! Ведь у меня грипп.

„ЛЮБЛЮ ДОРОЖКОЮ ЛЕСНОЮ...“

Когда сошли с электрички, Всеволод, старший брат Саши, ещё раз всех осмотрел и даже пересчитал. Неважно, на каком курсе учился старший Гусев, но высоким ростом и широкими плечами он, по мнению Стёпы, вполне мог сойти за профессора. Рядом с ним крепыш Саша казался маленьким. Но ведь нескоро ему до профессорства-то, ещё подрастёт.

Осмотром Всеволод остался доволен. Все ребята в резиновых сапожках, а внутри толстые шерстяные носки. У всех за плечами мешочки с едой. А у Мариши свисает с плеча красивая спортивная сумка.

Наконец тронулись. Впереди Всеволод с Сашей. За ними — неотступно Лёшка Кузьмин и Слава Купцов. Потом девочки: Мариша, Ксюша Лузгина и Стёпа. Замыкали шествие Надя и студентка Светлана, приятельница Всеволода и тоже туристка. Рядом со Светланой — вприпрыжку — Гусаров. Светлана не спускала с него глаз, время от времени брала за руку. Когда ей казалось, что он хочет убежать.

Гусарова не хотели брать в поход. Мариша рассказала Наде о безобразном поведении Гусарова в магазине и что он вообще плохо себя ведёт. Надя сразу согласилась с Маришей, что такого вруна не надо с собой брать.

На большой перемене в коридоре они обсуждали предстоящий поход. Узнав, что его не возьмут, Гусаров заморгал, лицо у него вытянулось.

Стёпа покосилась на него и сказала:

— Может, он не будет больше жульничать? Саша, возьмём его, а?

Гусаров молча кивнул, от подступивших слёз выговорить слова не мог.

Лёшка подумал: «Знала бы Петелина, что главный чёрт, вокруг неё скакавший, был Костя Гусаров, небось не пожалела бы его...»

Не раз Лёшку так и подмывало подразнить Петелину: «Здорово ты чертей напугалась!» Но не мог он выдать Гусарова. А вдруг бы Петелина нажаловалась? Или — а уж это наверняка — рассказала бы своей Марише, а та не смолчала бы. Гусарову и так без конца попадает.

Саша внимательно посмотрел на Гусарова, подумал и сказал решительно:

— Как же он исправится, если отпихивать? Лучше всего исправляться в походе. Беру! Но — смотри у меня!

От брата он не скрыл, что этот мальчишка самый вертлявый и вообще ненадёжный.

Всеволод специально поручил Светлане присматривать за Гусаровым.

И вот идут. Солнышко светит, ветра нет, погода как на заказ. А вот и лес начинается.

На опушке паслась коза. Белая и бородатая. Она была привязана к колышку. При виде ребят забегала вокруг колышка, натягивая верёвку.

— Коза! Коза! — обрадовались ребята.

Кажется, коза чего-то у них просит. . . Стёпа подобрала ветку и протянула козе:

— Хочешь? — При этом она подошла к ней довольно близко.

Внезапно коза мемекнула протяжно, наклонила голову и галопом, точно скаковая лошадь, кинулась на

Стёпу. Стёпа еле успела увернуться от наставленных на неё рогов.

Ксюша и Надя испуганно вскрикнули.

У Светланы строго сдвинулись брови:

— Девочка, зачем ты полезла к козе?

— Я хотела веточку... — оправдывалась Стёпа. —

Я её не трогала!

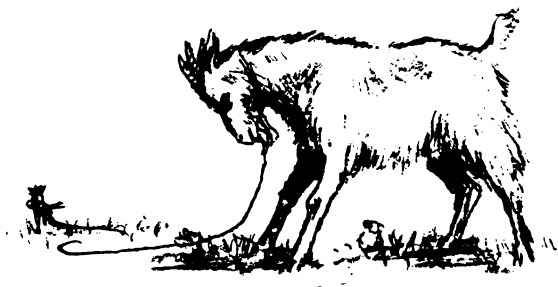
Всеволод остановился:

— Что там у вас?

— Саша, а Саша! — весело крикнул Лёшка. — Ты не думай, что самый опасный у нас Гусаров! Петелина не лучше.

— Ни шагу с дороги! — приказал Всеволод. — В лесу побегае.

По неширокой просеке они углубились в лес. Стояла мягкая сыроватая тишина. Деревья и кусты в разноцветном наряде словно нежились в лучах неяркого солнца.

Под ногами шуршала опавшая листва. Дышалось легко-легко. И в такую прелесть папа не хотел отпустить Стёпу, подумать только!

— На привале я вам объясню, как определять направление, — зычно обещал Саша. — Север, юг, восток и запад. Чтобы и без компаса не заблудиться. А пока не отставайте!

Все ускорили шаг.

— Это какая птица пролетела? — спросил Гусаров. — Ворона?

— Сам ты ворона! — сказала Лузгина. — Летела-то маленькая, а ворона большая.

— Он просто кривляется,—сказала Стёпа. — Прикидывается дурачком. По крылышкам видно, что зяблик пролетел.

Мариша Гуляева негромко, с чувством произнесла:

Люблю дорожку лесною,
Не зная сам куда, брести,
Двойной глубокой колеёю
Идёшь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зелёный,
Уже румянит осень клёны...

Все невольно притихли. Так приятно было слушать.

— Молодец! — сказала Светлана, когда Мариша замолкла. — Очень хорошо декламируешь.

— Она столько стихов знает, вы не представляете! — очень довольная за подружку, похвасталась Стёпа.

На полянке Всеволод всех собрал в кучу, велел Саше:

— Ну, занимайся!

Саша рассказал, как надо ходить по лесу, показал, как делать отметки, надламывая сучки, чтобы найти обратную дорогу. А Всеволод рассказал, как охотники по следам узнают, какие звери, куда и зачем прошли по тропе. Показал на земле ямки:

— Как вы думаете, чьи это следы?

— Тигра! — выпалил Гусаров.

Все рассмеялись.

— Лося! — сказал Купец.

— Уже ближе к истине! — сказал Всеволод. — Но это несомненно след телёнка. Должно быть, годовалого бычка, судя по размерам.

Все с интересом вглядывались в землю, палочкой ворошили траву и сухие листья. Как много неизвестного таится в каждой кочке!

Часа через полтора расстелили брезент, оказавшийся в объёмистом рюкзаке Всеволода, уселись на него и позавтракали. Все припасы сложили вместе: у кого пирожки, у кого булочки, у кого холодные котлеты. Очень всё было вкусно. Запили водой. По приказу Саши все захватили с собой бутылки с водой и кружки. А у Мариши оказалась в спортивной сумке бутылка лимонада, которым она всех угостила.

Остатки еды и промасленную бумагу собрали и спря-

тали обратно в мешочки. Саша проследил, чтобы нигде не осталось мусора.

— Настоящий турист никогда не оставляет после себя пустых банок, всяких клочков и вообще никакой грязи,— поучал он ребят.

ВОСЕМНАДЦАТЬ САНТИМЕТРОВ

— А теперь можете просто погулять, — разрешил Всеволод. — Но чтобы далеко не отходить! Ясно?

— Я буду аукать, — сказал Саша. — И чтобы немедленно отозвались! Если кто не отзовется, того посажу вот на этот пенёк, и он у меня с места не сойдёт!

Ксюша с Надей стали искать грибы: вдруг попадутся какие-нибудь не совсем трухлявые? Мариша и Стёпа отошли за кустарник и притихли, наблюдая за птицами. Вон перепархивают с ветки на ветку.

— Это синичка,— шёпотом объясняла Стёпа. — Слышишь: тинь-тинь? А там опять зяблик. . .

Мариша подтолкнула Стёпу:

— Гляди!

Девочки замерли от восторга: по стволу быстро взбирался серо-рыжий зверёк. Белка! Вот перескочила, точно перелетела, на другое дерево. Девочки глядели вверх, пытаясь снова заметить пушистый хвост.

Но пришлось бежать на полянку: Саша сзывал ребят.

Когда все собрались, он весело сообщил:

— Назад пойдём другой дорогой! Она немного длиннее, зато ещё интереснее. Покажу вам красивое озеро.

Выйдя из леса, шли вдоль шоссе пешеходной тропкой. Надя, Ксюша и Светлана пели, негромко и слаженно.

В чистом воздухе плыли, колыхались лёгкие звуки:

Издалека-а до-ол-го
Течёт река Во-олга. . .

Стёпа шла, блаженно улыбаясь: они с папой очень любили эту песню. Братья Гусевы шагали впереди и

о чём-то между собой толковали. Гусаров послушно тащился рядом со Светланой.

Лёшка и Слава немного отстали, засмотревшись на дятла.

Крупный дятел приник к сосне и деловито стучал длинным клювом по стволу. Откинет голову да ка-ак ударит. Опять откинет и опять ударит. Равномерно мелькает красное пятнышко — шапочка дятла.

— Вот это работает! — восхитился Слава. — Люди

идут — ему нипочём. Поют — ему хоть бы что. Нам бы так уроки учить, ни капли не отвлекаясь.

— А может, он своим стуком себя оглушает и... — начал Лёшка.

И тут их самих так оглушило, что оба на секунду остоленели.

Неистовый, раздирающий уши скрип тормозов. И сразу — пронзительный тонкий девчоночий крик: кажется, голос Гуляевой, на себя непохожий. Ещё крики. Все бегут. И Лёшка со Славкой бегут, ничего не понимая.

Огромный грузовик стоит на шоссе. А перед ним на гудроне валяется... по пальто видно, по светлым волосам, да вон и берет красный в нескольких шагах... валяется Стёпка Петелина.

Из кабины грузовика выскочил шофёр, молодой парень. Глаза разъярённые, ноздри побелели. Взорвался криком:

— Распустили ребят, чтоб вас!

У Всеволода лицо сразу вдвое похудело. Он поднимает на руки Петелину, несёт её на обочину, бормочет:

— Девочка! Девочка! — С перепугу забыл, видно, и фамилию, и имя.

Сел на корточки у телеграфного столба, спиной приклонился, Петелину на коленях держит. Все их обступили. У Стёпы всегда розовые щёки сейчас какие-то серые. И глаза закрыты.

Саша из походной фляги вылил немного воды на лицо Петелиной. Веки её дрогнули, приподнялись. Она смотрела на Всеволода, будто не узнавая. И вдруг в глазах вспыхнул испуг.

— Где мальчик? — спросила она слабым голосом. — Жи. . . вой?

Всеволод приподнял её голову:

— Какой мальчик? Как ты очутилась на шоссе?

— Да удрал, он, удрал, паршивец! — закричал шофёр и зачем-то хлопнул себя кулаком по бедру. — Как ты его рванула в сторону, так он и перекрутился! Но даже не упал. Ох, я б ему уши оборвал, попадись мне в руки! — И накинул на Всеволода: — Ты кто? Вожатый? Учитель? Да я на тебя в суд подам за то, что позволяешь наперерез машине, как зайцу оголтелому, дорогу перебегать!

Громко заплакал Гусаров.

— Это ты перебежал? — грозно спросил Всеволод. — Светлана! Я же тебя просил за этим особо смотреть!

— Севка, ты несправедлив! — пролепетала Светлана.

— Не он это, не он! — быстро заговорила Ксюша Лузина. — Я же видела! Совсем чужой мальчишка, в свитере, младше нас, может, из первого класса. Я видела! Всё так быстро, но видела я! Этот мальчишка из леса вышел. И машина идёт. А он вдруг как помчится через дорогу! Перед самой машиной. А Стёпа как кинется за ним! Оттолкнула его из-под колёс, а сама... — Ксюша разрыдалась: — У... у... пала...

Мариша и Надя стояли на коленях возле Стёпы и заглядывали ей в лицо, осторожно гладили руки. Мариша платком вытирала её мокрые щёки и спрашивала сквозь слёзы:

— Стёпочка, Стёпочка, что у тебя болит?

— Ничего не болит, — тихонько ответила Стёпа. — Просто я думала, что меня... задавило. Пустите меня, дядя Всеволод... — Она высвободилась из рук Всеволода, встала, сделала два шага, пошатнулась, улыбнулась смущённо: — Что-то... ноги не держат...

Мариша и Надя подхватили её с двух сторон.

Всеволод поднялся во весь свой длинный рост. Теперь он обрушился на шофёра:

— А ты видишь: дети на шоссе! Сразу должен замедлить, остановиться!

На секунду шофёр задохнулся от возмущения, потом взревел:

— А то ты понимаешь, что мальчишка этот как изпод земли возник? Его и не было, а тут — нате! — наперерез! Объяснила же тебе девчонка, не слышал? — Он провёл рукой по лбу и — тоном величайшего облегчения: — Ну, какое счастье, что я перед выездом все тормоза досконально проверил! Будто чуяло сердце.

— Вы эту девочку, может быть, задели, — тревожно сказала Светлана.

Шофёр смерил её взглядом и отчеканил гордо:

— Восемнадцать сантиметров! У меня глаз намётанный. Давай измеряй!

— Какие восемнадцать сантиметров? — У Светланы дрожали губы.

— А такие, что я восемнадцать сантиметров до этой смелой девчонки не доехал! Задеть её я не мог, ясно? Испугалась она, вроде шока. А вот того оголтелого очень просто мог бы задавить. Как возник он на пустом шоссе, меня аж в жар ударило! В тормоза вцепился... Да больно всё... молниеносно. А тут эта девчонка дёрнула его в сторону — секунды мне в актив... Так что спасибо тебе, товарищ девочка! Дурака сопливого спасла. И меня, может, от тюрьмы избавила... Акт бы составить! Да уж... ГАИ нету, а без ГАИ что за акт? И, главное, все целы, потерь нет!

— Разболтался! — хмуро сказал всё ещё бледный Всеволод. — На радостях, что обошлось... До станции нас подбросишь?

— Я уже могу идти, — сказала Стёпа.

— Ой, пожалуйста, подвезите нас! — взмолилась Светлана. — И зачем я только поехала, господи!

— Которые нервные, тем, конечно, с этой публикой нелегко, — покосился на неё шофёр. — Особенно принимая во внимание внезапность поступков... Вообще-то не полагается в открытом кузове перевозить людей, да уж... Ну, живо!

Он заботливо усадил Стёпу в кабину. Потом посадил в кузов Ксюшу, Маришу и Надю. Мальчики, Всеволод и Светлана забрались сами.

Не прошло и четверти часа, как они уже ехали в электричке.

КАК ЖЕ ОНА РЕШИЛАСЬ?

В вагоне все сидели, тесно сбившись на двух скамейках. На одной скамейке третьеклассницы, Надя и Гусаров, притулившийся с краю. Напротив них — Лёшка со Славой, братья Гусевы и Светлана.

Светлана озидала ребят ястребиным взором, словно боялась, что кто-нибудь из них вдруг исчезнет, растает в воздухе. Но никто не обращал на неё внимания.

Ребята сидели притихшие, всё ещё взволнованные и изрядно растерянные.

Молчание нарушила Надя.

— Стёпочка, у тебя правда ничего не болит? — спросила она с тревогой.

— Нет, нет. — Стёпа беспокойно зашевелилась, сжатая с двух сторон Маришей и Ксюшей, и проговорила просительно: — Дядя Всеволод! Вы не говорите моему папе, что так получилось. Пожалуйста! Я потом когда-нибудь сама расскажу. . .

Всеволод вздохнул.

— Петелина, ты просишь меня о невозможном. Я считаю, что тебя необходимо показать врачу.

— Да зачем? Зачем?

— Степан, а Степан! — сказал Саша Гусев, и все невольно улыбнулись при таком обращении, а Гусаров засмеялся. — Я сам скажу твоему отцу. Я ему скажу. . . в общем, как надо. Провожу тебя до самого дома.

— Нет, я провожу Стёпу! — строптиво заявила Мариша.

— И я, конечно! — воскликнула Ксюша. — Ведь мы на одной лестнице живём.

У Нади порозовели щёки:

— Никому не доверю свою будущую пионерку! Сама доведу.

Гусаров чуть не свалился со скамейки — еле удержался на краешке — и выпалил:

— Я тоже хочу проводить Петелину! Если б она не попросила Сашу, меня бы на экскурсию не взяли.

— Во-первых, не ты, а Лёшка с ней в одном подъезде, — напомнил Слава.

Всеволод усмехнулся:

— Целый, значит, кортеж поведёт? Потому что меня то уж, во всяком случае, не минует эта миссия.

— А чего это — миссия? — спросил Гусаров.

Но Всеволод не успел ответить. Ксюша Лузгина воскликнула:

— Стёпочка! Да как же ты решилась того мальчишку из-под машины тащить? Тебе не было страшно?

— Было, — тихонько произнесла Стёпа. — Очень. . .

И вдруг Лёшку словно кто кулаком в грудь толкнул, ему даже жарко стало.

Правда, как она решилась? Она ведь боится машин. Ему вспомнилось: они с Гусаровым сидят в сквере и ви-

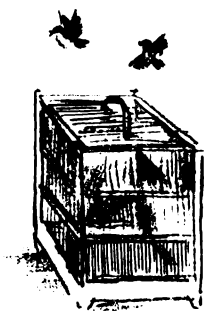
дят — Петелина боязливо переходит улицу, шарахается от каждой машины. И вообще она страшная трусиха! Маленькая, глупая... А вот кинулась. Чтобы спасти незнакомого мальчишку. Ведь очень просто, в один миг, её могло сбить...

Почему-то перед Лёшкой всплыло лицо деда, родное, усмешливое, с торчащей вверх бородёнкой. Мысленно Лёшка услышал его слова: «А Стёпа-то ваша — чистый клад». Сколько раз он, Лёшка, дразнил, презирал за трусость эту чудаковатую девчонку, которую так любят все подружки. За что, кстати, любят? Он никогда об этом не задумывался... А сам-то он мог бы вот так, не думая о себе, броситься на помощь? И это ведь не кота выхватить у собаки из-под носа, у собаки, которую крепко держит за поводок хозяин. Это — из-под машины, куда труднее и опаснее. Он мог бы это сделать?

Смутно было на душе у Лёшки, смятение им овладело. И стыдно ему было — за то, что дразнил, презирал. И радостно — вот она, Петелина, живая сидит! И жалко, так жалко, что нельзя обо всём случившемся и о мыслях своих рассказать деду...

Будто издали звучал в Лёшкиных ушах голос Всеволода:

— Разве в том дело, чтобы не бояться? Вся штука в том, чтобы суметь этот свой страх преодолеть! Поняли, ребята?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Случай в троллейбусе	5
Девчонки верховодят	8
Дед и брат Игорь	11
Очередной «проходимец»	16
Пора отдать Чёртика	18
Игорю попадает	20
Не проходимцы, а найдёныши	28
Щенок Мариши Гуляевой	32
Но ведь это — на другом полушарии!	37
Безжалостные пятиклассники и врун Гусаров	40
Ну и трусиха же!	43
Придётся устроить проверку	46
Пушок и овчарка	49
Мы пойдём сами	51
Слава Зотов	54
Разнесчастный Радько	61
Дед заболел	64
Уж ты скажешь!	66
Чего молчишь?	69
Неразбериха	69
Не хочу! Не хочу!	71
Интересные новости	75
Турист Саша Гусев	78
Стёпины мольбы	79
«Люблю дорожку лесною...»	81
Восемнадцать сантиметров	87
Как же она решилась?	93

Для младшего возраста

Котовщикова Аделаида Александровна

ДЕ В О Ч К А С Т Е П А

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова.

Художественный редактор В. В. Кулряков.

Технический редактор Т. Д. Раткевич.

Корректоры Н. П. Муравьева и В. Г. Шишкина.

Сдано в набор 13/III 1974 г. Подписано к печати 23/IV 1974 г. Формат 70×100/16. Бумага офсетная № 2. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,8. Уч.-изд. л. 5,47. Тираж 150 000 экз. Заказ № 596. Цена 34 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

